

Бровничный Кирилла

Ясное дело

Кирилла Бровничный

Ясное дело

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29186438

SelfPub; 2018

Аннотация

Действительно ли человек – кузнец своего счастья? Или является заложником собственной судьбы. И что есть жизнь? Возможно просто – переплетение судеб и дорог, кольцевых или уходящих в бесконечную даль..? А может быть, и то, и многое другое происходит одновременно...

Содержание

Кирилла Бровничный

2017

*Моим дедушкам, бабушкам,
родителям и детям*

Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,

*ни сокровенного,
что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.*

Евангелие от Луки

Никогда нельзя с уверенностью сказать, что всё, что происходит в этой жизни, происходит на самом деле. По большей части, конечно, всякое событие, воспринимается нами как абсолютная реальность. И для этого нам не нужно прилагать никаких усилий. По обыкновению, ни одному нормальному человеку, не придёт в голову искать какие-то доказательства и подтверждения своего земного существования. Однако, бывает так, что со временем, что-то из произошедшего забывается, оставляя нам лишь смутные обрывки воспоминаний, и тогда уже невозможно точно сказать, где кончается правда и начинается вымысел.

Тот сентябрьский день, уже с утра обещавший быть погожим и солнечным, кроме отсутствия тяжелых серых облаков поливавших дождём город последние дни, казалось, уже ни чем, не мог отличиться, в череде будней. Так же бойко катились трамваи, поскрипывая на поворотах, сновали голуби под ногами прохожих, и старушки, скорее по привычке, нежели по необходимости, осаждали продуктовые магазины и поликлиники.

Убаюканные этим, казалось бы, веками незыблемым, постоянством, город и его жители, едва могли бы предполо-

жить, что этот день положит начало невероятной и удивительной истории, произошедшей с ними где-то в середине времён на задворках бескрайней вселенной.

I

*Смех да слёзы, а чем ещё жить
И если песню не суждено допеть
Так хотя бы успеть сложить*

К. Кинчев

1

– Нет. Больше ничего не надо. Отправляйте как есть. Да. Всё. Давайте. -

Иван бросил трубку и через стол окинул взглядом посетительницу, сидевшую, напротив.

– Значит дело в следующем... как, говорите, вас...? -

– Даша –

– Очень хорошо. Так вот, Даша. Дело, можно сказать, государственного масштаба. Партия поручает вам самое ответственное задание, которое только могла придумать.

– Вот эту бутылку – Иван продемонстрировал поллитровую бутылку «спранты», упакованную в полиэтиленовый пакет, обклеенный бумажками и этикетками, с надписями на иностранном языке, с множеством печатей и подписей.

– Нужно продать! – Дашка понимающе кивнула.

– Но продать не абы кому! -

– Как вы наверняка знаете, сейчас у нас проходит очередная рекламная кампания. И там – Иван многозначительно посмотрел в потолок, указав на него пальцем – на этот раз решили взять дело под личный контроль.

– То есть, под этой крышкой – Иван потряс пакетом с бутылкой, – Находится промокод главного приза рекламной акции. А это – ни много ни мало – один миллион евро.

– Последний скандал, организованный нашими конкурентами, обвинившими нас в нечестной игре, кое-как удалось замять. Помните наверняка, весь этот шум-гам в прессе и интернете, по поводу того, что «Spranta» якобы проводит часть призового фонда через своих подставных лиц. В общем, в результате всей этой заварухи, как я уже сказал, там, наверху решили, что эта бутылка должна быть продана через розницу совершенно случайному покупателю, чтобы как говорится, комар носа не подточил. -

Иван разорвал пакет, достал бутылку газировки и протянул её Дашке.

– И да. Чуть не забыл. Самое главное. Покупатель, должен быть в возрасте приблизительно от 16 до 25 лет. Где-то так. Дело в том, что в соответствии с правилами проведения этой рекламной акции, счастливый обладатель главного приза, обязан будет давать всевозможные интервью. Правда, он, скорее всего об этом пока не догадывается, потому как,

мало кто читает эти самые правила, приобретая акционный товар. Но, когда он придёт за своими деньгами, и узнает об этом, я уверен, согласится не раздумывая. Поэтому, Даша, будьте внимательны. Молодёжь – это наше всё. Стратегия нашей компании ориентирована именно на этот сегмент потребительского рынка.

Дашка с недоверием покосилась на генерального и осторожно взяла бутылку обеими руками.

– А если эти... конкуренты-то опять чего затеют? Так меня обвинят в том, что я продала бутылку кому-то из своих, и я окажусь невинной жертвой в конкурентной борьбе транснациональных корпораций. -

Иван улыбнулся.

– В успешном выполнении этого задания, лично заинтересованы акционеры компании, Даша. Поэтому, насчёт конкурентов не беспокойтесь. В этом плане, вы под надёжной и незримой защитой самых высоких сфер. Ну, а если, вы действительно, впарите лимонад кому-то из своих, то рано или поздно это выяснится, и тогда меня, Даша, зацементируют в тазике, и сплавят вниз по течению, прямо отсюда, с Пресненской набережной. Благо далеко ходить не надо. В этом случае, я сами понимаете, вас уже ни в чём обвинить не смогу. -

Дашка посмотрела на Ивана с беспокойством.

– Генеральный директор вызывает к себе рядового промутера, даёт секретное задание. Мыслимо ли дело? Чудно ей богу... -

– Вы же знаете, Даша, как у нас всё делается – Перебил её Иван. Представьте себе, в каком виде всё это дойдёт до вас, я имею в виду и бутылку и смысл задания, если конечно дойдёт, действуй я установленным порядком. Скорее всего, будет как в анекдоте: Не рубля, не топора, рубль должен и всё правильно. В общем, концов не соберёшь, и спросить не с кого будет. И это даже в том случае, если никто в той цепочке не будет иметь представления об истинной ценности предмета. -

– Оно это, так-то, да – согласилась Дашка.

– Вот и я про то же. Так, что не будем терять времени, Даша. И если, что звоните. -

Иван протянул Дашке визитную карточку и заговорщицки подмигнул.

2

Одним ранним воскресным утром, поезд Владивосток – Москва, прибыл на Ярославский вокзал точно по расписанию. Из последнего вагона вышла девушка с сумкой и чемоданом. На вид лет восемнадцати, никак не старше двадцати. Среднего роста. Под светлым летним платьицем угадывалась, не худая, но стройная фигура. Черные лакированные туфли, явно были новые и надеты в первый раз. Белые носочки смотрелись по-детски умильно, что ничуть не испортило первого впечатления, а скорее наоборот. Светлые воло-

сы были заплетены в косы, но несколько выбившихся волнистых прядей, упрямо спадали на глаза светло-серого цвета, из-за чего в сосредоточенном взгляде, нет-нет, да и проскакивала озорная девчачья искринка. Аккуратный ровный нос, чётко очерченные губы, и едва заметные ямочки на щеках. Всё это создавало ту самую, немудрящую, но неповторимую красоту, коей природа наделила жительниц среднерусской полосы.

Звали эту девушку Анна Николаевна Новосёлова, но в родной деревне Климцево Костромской области все называли её просто Аней.

Девушка, попрощалась с проводницей и, отойдя от вагона, остановилась посреди перрона залитого первыми лучами июльского солнца. Оглядевшись вокруг, одёрнула платье и, смахнув непослушные прядки со лба, улыбнулась. Москва.

В том же 1997 году, успешно сдав вступительные экзамены, абитуриентка Аня Новосёлова, была зачислена на первый курс историко-филологического факультета РГГУ с правом получения места в студенческом общежитии. Первые полгода прошли в аудиториях университета и ночных бдениях за учебниками и конспектами в стенах своего нового жилища, на самом южном краю столицы. Но новый мир, новые люди, новые возможности, приветливо раскрывали свои объятия, перед которыми невозможно было устоять.

Так, на первом своём праздновании дня студента, Аня

оказалась в компании одного из представителей плеяды свободных художников, некого Игоря – поэта, музыканта и, конечно же, философа. Вся эта философия продлилась три месяца, и, пройдя стадии экзистенциализма и неотрейдизма, материализовалась в четыре недели беременности. На тот момент Игорь уже был на очередных гастролях, с которых, конечно, же, не вернулся, видимо затерявшись в бескрайних просторах самопознания.

В положенный срок родилась девочка, которую Аня перевезла к матери в Климцево, в результате чего ночные бдения, уже всё чаще, стали проходить в плацкартах и общих вагонах железной дороги ярославского направления.

Несмотря на всё это, Аня окончила университет с «красным» дипломом и устроилась корректором в один из новомодных «глянцев», который со временем трансформировался в издательский дом с громким именем, прочно занявшим лидирующие позиции в области «fashion industry» на всём постсоветском пространстве.

Через несколько лет, заместитель главного редактора издательского дома «Fashion light» – Анна Николаевна Новосёлова, прибыла в родное Климцево, не по железной дороге, а по асфальтовому шоссе, на собственном автомобиле «Лексус» красного цвета. Но тогда девочка отказалась ехать с матерью в Москву, сочтя это за предательство по отношению к бабе Кате, соседке тёте Клаве, Михаилу Ивановичу, – своему школьному учителю, и дворняге Пирату. Больше в Климце-

ве предавать было некого.

Однако, шли годы и становилось всё очевиднее, что переезд в Москву – всего лишь вопрос времени, и в один из очередных приездов, Анне удалось убедить в этом дочь, на встречном условии, что Пирата возьмут с собой. Но старый Пират, твёрдо решивший провести остаток своих дней на родине, в чём баба Катя была полностью с ним солидарна, категорически отказался залезать в машину, отчего прощание затянулось и получилось более драматичным и слёзным чем ожидалось.

Так, уже через неделю, после выпускного, Даша Новосёлова впервые оказалась в Москве. Первое время с непривычки дичилась, то ли от того, что стеснялась своего северо-волжского наречия, то ли от того, что случайные прохожие во дворе с опаской и недоверием реагировали на её приветствия. Поэтому поступление в ВУЗ решили отложить до следующего года. Анна планировала устроить Дашку к себе на работу, с целью адаптации к жизни в столице, но Дашка категорически отказалась работать под началом своей матери, видимо, сказались отцовские гены. Уже через пару месяцев стала пропадать вечерами во дворе, в теремке на детской площадке, в компании своих сверстников. Результатом чего, стало шокирующее сообщение о том, что при протекции одной из своих новых подруг, собирается стать промоутером в «Спранте» – компании, нещадно эксплуатирующей образ Санта-Клауса в рекламных целях, и чью безалкоголь-

ную продукцию с удовольствием распивают в любом уголке земного шара. Полпачки валерьянки и бессонная ночь, прошедшая в горячей дискуссии с дочерью сломили сопротивление Анны Николаевны и на рассвете она сдалась.

Таким образом, через несколько дней, посетители и служащие парка Горького стали обращать внимание на эффектную блондинку на роликах, в фирменной красной бейсболке с лэйблом известной торговой марки и с таким же рюкзаком за плечами, бойко предлагающую прохладительные напитки отдыхающим.

Возможно, всё так и продолжалось бы, если бы в один прекрасный день, прямо с утра Дашке не позвонила встревоженная супервайзер Тамара, сообщившая, что генеральный директор, без объяснения причин, срочно затребовал к себе на аудиенцию одного из промоутеров работающих в парке Горького. Так же Тамара уверила, что взвесив все «за» и «против», решила делегировать к нему Дашку, как самого достойного и надёжного сотрудника, хотя было понятно, что Дашке, как «новенькой», выпала роль козла отпущения.

Вот так и оказалась, в тот погожий сентябрьский день, Дарья Новосёлова, на 88 этаже «Конфедерации» в кабинете Ивана Сергеевича Нежина – генерального директора российского представительства компании «Spranta».

– Егор, вставай! Время уже почти восемь. Я ухожу. –

– Да, мам, я уже встаю –

– Ты не забыл, что у тебя сегодня в одиннадцать аэродинамика? –

– Да помню, ма, помню! -

Егор приоткрыл глаза, и лежал некоторое время, не шевелясь, рассматривая тень на потолке, прислушиваясь к шорохам в коридоре. Прошло ещё несколько секунд, прежде чем, наконец, услышал, как хлопнула входная дверь, звонко щёлкнули ключи, несколько раз повернувшись в замке, и стук торопливых шагов растворился на этаже.

– Ещё пять минуток – успел пробормотать Егор, снова закрывая глаза.

Когда проснулся окончательно, комната уже была полностью залита солнечным светом. Первая мысль была вскочить, и по-быстрому собравшись рвануть в «универ» на передачу аэродинамики – «хвост», что весел с прошлого курса. Свесив руку с кровати и пошарив по полу, нащупал смартфон и рывком поднёс к глазам. Часы на экране оповестили о том, что сегодня торопиться уже было некуда.

Спустив ноги с кровати, просунул их в тапочки и кое-как, поднявшись, добрёл до кухни. Постоял у окна, держась за подоконник, пытаюсь оживить в памяти события вчерашнего вечера, как если бы созерцание города с высоты восьмого этажа могло дать хоть какую-то подсказку. Потом сел за стол и обхватив голову руками, стал разгребать пальцами непо-

слушные волосы. Помогло.

«Пару пива» с Мишкой по дороге из «универа» вспомнил отчётливо, далее фрагментами. В последнем кадре, увидел себя, отвешивающего хорошего пендаля Ирке-истеричке из соседнего подъезда. В общем, один из заезженных образцов коллекции «наше старое кино». Ничего нового из-за чего стоило бы переживать. Успокоившись, Егор почувствовал, невыносимую жажду. Откуда-то из глубин затуманенного сознания выплыл образ искрящегося водопада разбивающегося брызгами об дно заиндевевшего стакана, наполняющегося тёмной тягучей субстанцией состоящей из тысячи сверкающих пузырьков, стремительно несущихся наперегонки вверх, и разрывающимися маленькими фонтанчиками на поверхности.

– А-а – простонал Егор и снова обхватил руками голову. Через секунду, вскочил, метнулся в ванную, ополоснул лицо холодной водой и выскочил в прихожую. С разбега запрыгнул в кроссовки, и, накидывая на ходу жилетку, выскользнул за дверь.

4

– Пират! Пират! Где ты, турок нетуношный? -

Баба Катя, подняла старую миску с черными пятнами отколотой эмали, что валялась перевёрнутой в траве рядом с конурой. Подойдя к бочке, зачерпнула дождевой воды и об-

мы в внутренность миски рукой, выплеснула в огород. Поставила миску перед входом в конуру и аккуратно вывалила в неё содержимое кастрюли, соскребая остатки со стенок ребром ладони. Подумав несколько секунд, с трудом нагнулась, и докуда могла дотянуться, собрала с травы остатки собачей еды разбросанные вокруг, добавила в миску.

– Войны на тебя нет, окаянный. -

С тех пор как уехала Даша, старая женщина всё чаще стала разговаривать с собакой. Пират, отвечал ей пронзительным взглядом, той глубокой и безграничной тоски, которую можно встретить только в собачьих глазах.

Вечерами сидя на ступеньках крыльца, отдыхая от дневных забот, всё чаще стала вспоминаться бабе Кате её прожитая жизнь, те далёкие события минувших лет, которые, как ей казалось, были забыты навсегда. В такие минуты, старый пёс, улавливая своим собачьим чутьем, настроение хозяйки, подходил и, устраиваясь рядом, клал свою большую чёрную голову ей на колени. Поглаживая собаку за ухом, печально всматривалась баба Катя, за горизонт, туда, где оранжевый диск медленно опускался за кромку леса, расцветивая янтарём верхушки деревьев, как будто пытаясь укрыть перед сном весь этот лесной океан, пестрым одеялом, сшитым из бронзово-медных и багряных лоскутов.

Так, почти каждый вечер, провожали осенний закат, человек и собака, вздыхая каждый о своём.

В начале июля 1941 года, в соответствии с приказом о

всеобщей мобилизации несколько человек из деревни Климцево были призваны в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии. Среди них Алексей Алексеевич Новосёлов 1918 года рождения. Ранним утром 6 июля, Антонина Новосёлова, держа на руках трёхмесячную Катюшу, провожала мужа на фронт. Перед самым расставанием, сунула в руку Алексею маленькую, иконку Богородицы, что передавалась в роду Антонины по женской линии с незапамятных времён.

– Ты-то как? – пытался отказаться Алексей.

– Ничего. Тебе нужней. Вернёшься с войны и отдашь. –

– Катюшу береги – шепнул Алексей, обнимая жену.

Потом поцеловал дочку и запрыгнул в кузов грузовика, который резко взяв с места, растворился через несколько мгновений в облаке пыли.

Осенью 41-го, Антонина Новосёлова, понимая, что одна с грудным ребёнком вряд ли сможет пережить зиму, приняла предложение соседа Антипа Ермолаевича, перебраться к его сестре в Ярославль.

Ермолаич поведал, что ещё «давеча» имел на этот счёт разговор с сестрой, которая была рада такому соседству, потому как всю жизнь прожила одна, без детей, после того как похоронила своего мужа через полгода после того как вступила в брак. Было это в далёком 25-м году. В Климцево поговаривали, что его якобы расстреляли, но никто толком не знал, за что и было ли это так на самом деле.

– Так-то и Светланке моей повеселей будет и тебе с дитём

полегче – размышлял в слух старик Ермолаич по дороге, отправившись в Ярославль вместе с Антониной в качестве сопровождающего и с оказией навестить сестру. Но, как говорится, из огня да в полымя.

Они прибыли в Ярославль в тот злополучный день, 6 ноября 1941 года, в тот самый момент, когда немецкие He-111 начали массированную бомбардировку Московского вокзала, сбросив на него почти сотню фугасных бомб. Антонина с Катюшкой погибли на месте, сам Ермолаич был ранен, о чём и поведал жителям Климцева, когда через месяц вернулся домой, напрямиком из больницы, в которой пролежал три недели. Рассказывал, что видел собственными глазами, как «бонба» разорвалась прямо под ногами у Антонины, когда они, выскочив из поезда, бежали неизвестно куда – лишь бы подальше от этого адского места.

Как-бы там ни было, но маленькая Катя тогда осталась жива. Когда собирали погибших, и то, что от них осталось, кто-то, среди бетонных, деревянных и железных обломков, наткнулся на маленький свёрток. Предусмотрительная Антонина, ещё в начале пути, догадалась засунуть внутрь пакет с метрикой дочери.

Налёты «Люфтваффе» на стратегические объекты Ярославской области начались ещё в августе, а в октябре происходили почти каждый день. Санитарный состав на станции Козьмино, Игнатово, Сосковец, Пантелеево. Эшелон с детьми из блокадного Ленинграда близ деревни Почеснови-

ки, в котором погибли почти все. Но, как ни странно, тогда повезло Костроме.

Рассказывают, что Ольга Чехова – потомок великого писателя, ещё в тридцатые годы, отдыхая в этом старинном русском городке, чуть было не утонула в Волге. Якобы, какой-то молодой парень спас её тогда, но сам не смог выбраться из воды и погиб. Говорят, что во время войны Ольга Чехова находилась в Берлине и «вращалась», как это принято сейчас говорить, в самом высоком обществе третьего рейха, и что она лично попросила, командующего немецкой авиацией Германа Геринга, о том, чтобы не трогали город, в котором она получила свое второе рождение. И он обещал выполнить просьбу, очарованный её красотой. Правда это или нет, – кто знает? Но Кострому не бомбили.

Когда выяснилось, что девочка жива и здорова, обнаружили и пакет. О том, что мать её, Антонина Новосёлова, погибла, выяснилось сразу, на месте, у Антонины были при себе документы. Сделали запрос в Климцево, но узнав, что отец девочки на фронте, а других родственников у неё нет, оставили в доме малютки.

Антонину похоронили там же, на Туговой горе. В результате той катастрофически сложной обстановки, которая сложилась в первый год войны, с её локальной неразберихой со связью, о том, что девочка осталась жива, в Климцеве узнали только через год, а сама Екатерина Новосёлова вернулась

в родную деревню только через 14 лет, которые провела в детском доме города Ярославля.

Соседи приняли девочку сдержанно, не о чем не расспрашивая и только Ермолаич, выбравшись из толпы, подошёл к ней, обнял и горько заплакал. Потом отколотил доски, которыми были забиты окна и дверь и ушёл к себе в дом. Бабы повздыхали и тоже потихоньку стали расходиться, удивляясь между собой такому проявлению чувств стариком, потому, что никто никогда не видел, чтоб он собственных-то детей баловал подобным образом.

С тех пор Катя одна вела хозяйство и каждый день ждала, что вернётся отец, числившийся к тому времени пропавшим без вести. Была скромна и трудолюбива, с людьми ладила, но замуж вышла поздно, – уже почти в сорок лет. Был ли это последний вагон уходящего поезда, как многие в деревне считали – сказать трудно. Чужая душа потёмки. Но жили складно, не скандалили. Вот, казалось бы, и наступило тихое счастье. Была Екатерина, уже на девятом месяце, когда середь бела дня, примчалась соседка Клавдия и плача, рассказала, что в административном здании леспромхоза случился большой пожар и, что, муж Екатерины – Николай, сторел, вытаскивая людей из огня. Екатерина молча сползла по стене и уселась на ступеньки крыльца. Через минуту, также, не проронив ни слова, вскочила и выбежала на дорогу. Пометавшись на одном месте по сторонам, сообразила, и побежала в ту сторону, где за лесом поднимался чёрный столб дыма. Деревенские

бабы ринулись за ней, но смогли догнать лишь тогда, когда она, пробежав почти полкилометра, упала посреди дороги и так и лежала, уткнувшись лицом в дорожную пыль, сотрясаясь всем телом в беззвучном рыдании, в окружении соседок, тщетно пытающихся привести её в чувство, пока не пришла машина и не увезла её в районную больницу.

Через неделю, когда соседка Клавдия и новый учитель Михаил Иванович, приехали за Катериной на стареньком «Москвиче», она уже ждала их на улице, сидя на лавочке рядом с приёмным отделением, держа на руках младенца завёрнутого в одеяльце. Увидев их, слабо улыбнулась, поднялась и пошла к ним навстречу. Михаил Иванович открыл дверцу и помог устроиться Катерине на заднем сидении. После того как Клавдия, в очередной раз убедилась, что ничего не забыли, тронулись в обратный путь. Всю дорогу ехали молча, боясь разбудить ребёнка. До Климцева добрались уже ближе к вечеру. Бабы и несколько мужиков, скучившись, ждали у забора Катеринино дома. Когда Катерина вылезла из машины, бережно прижимая к груди маленький свёрток украшенный красным бантом, дед Фома, что за свои девяносто лет «отломал» три войны, потеряв в последней троих сыновей, хромя отделился от толпы и, опираясь на палку, подошёл к ней. Осторожно поправив краешек одеяла, проговорил:

– Ты это, девонька, потерпи. Войну пережили и это переживём. –

– Да у меня, дед Фома, вся жизнь одна сплошная война. –

– Ничего девонька. Всяка война когда-нибудь кончается. –

Так оно и случилось. Вырастив и воспитав дочь Анну и внучку Дарью, Екатерина Алексеевна Новосёлова, вышла из этой беспощадной схватки с собственной судьбой безоговорочным победителем.

– Ну, что, Пиратка? Засиделись мы с тобой сегодня что-то?

Задремавший Пират вздрогнул и открыл глаза. Поднял морду и заглянул бабе Кате в лицо.

– Да. Да. Так-то. –

Солнце уже полностью скрылось за лесом. Туман слоями стелился над Тёбзой, и оттуда снизу, в деревню потянуло свежим холодком.

Пёс поднялся, отойдя, встряхнулся и нехотя побрёл в конуру.

Баба Катя приподнялась, обвела взглядом двор, потом огород и махнула рукой. Развернулась и, поднявшись по ступенькам, зашла в дом. Оставив у двери галоши, прошла до конца комнаты и остановилась у старого комода. Откинув кружевную салфетку, выдвинула верхний ящик и достала небольшой предмет, завёрнутый в платок. Села за стол, включила настольную лампу и надела очки. В платке у бабы Кати хранился мобильный телефон и половинка тетрадного листа, на котором крупными буквами от руки было на-

писано – ТАК ЗВОНИТЬ ДАШЕ. Далее на листке следовала пошаговая инструкция, какие кнопки куда нажимать и в какой последовательности. Баба катя, шевеля губами, проделала немудреную операцию в соответствии с предписанием, но перед тем, как выполнить последнее действие, поднесла трубку к уху, прислушиваясь, как будто пыталась удостовериться в том, что всё сделала правильно. Еще раз, оглядев телефон на расстоянии вытянутой руки, дрожащим указательным пальцем, нажала на большую зелёную кнопку и приложила к уху.

5

- Да, Миха, привет. –
- Да ничего. –
- Аэродинамика? –
- Молчи, грусть, молчи. –
- А что вчера? –
- Да ну её к чёрту. –
- В парк иду. –
- Подваливай. –
- Как обычно. У Голицынского. –
- Да я уже почти там. –
- Давай. –

Егор сунул смартфон в задний карман джинсов и двинулся дальше по Ленинскому в сторону центра. Миновал особ-

няк Пироговки, нырнул налево в Титовский проезд, потом прямо, мимо будки охранника, через несколько метров взяв правее, прошёл под Пушкинским мостом и, выйдя к Большому Галицынскому пруду, рухнул на скамейку напротив лодочной станции. Перевёл дух.

– Чуть-чуть осталось – успокоил сам себя Егор.

– Отдохну немного и туда, ближе к центру там, там точно есть. Из холодильничка. –

Чем ближе приближался Егор к заветной цели, тем ярче и реалистичнее становился образ чёрного сверкающего водоппада.

– Вот, наверное, и беременные женщины так же – вспомнил Егор, вчерашний разговор с Серёгой на детской площадке, который, жалуясь на свою жену, рассказал, как та, разбужив его как-то, посреди ночи, отправила за мороженым.

– Всё-таки много у нас с женщинами общего – заключил Егор. От мысли, что он не одинок в своём безумии, и от ощущения солидарности с беременными женщинами всего мира, ему стало чуточку полегче.

И тут свершилось чудо. Силуэт на роликах в форменной одежде «Спранты» возник из ниоткуда и неумолимо двигался в его сторону.

– Есть Бог! – успел подумать Егор и зажмурился.

Когда снова открыл глаза, мираж не растворился, а наоборот продолжал невозмутимо приближаться, представляя в воспалённом сознании Егора в образе снегурочки или даже

самой снежной королевы, несущейся к нему на красно-белом облаке с мешком подарков за спиной.

Когда нимфа поравнялась с ним, Егор, собрав последние силы, окликнул:

– Холодненькая, красавица? –

– Сущий лёд! – ответила снежная королева, резко затормозив перед ним.

Села рядом, вытянула ноги и раскрыла свой рюкзачок, в котором помимо воды, возила на дне два куса сухого льда завернутые в целлофановый пакет.

Достала запотевшую бутылку и протянула Егору – Держи горемыка.

Егор принял бутылку, всё ещё сомневаясь в реальности происходящего.

– Дай, поцелую, красавица. –

– Поцелуй свинью под хвостик! – огрызнулась снежная королева. – Меня Даша зовут.

– Всё-таки многое нас ещё с ними разделяет – успел подумать Егор, отворачивая крышку зубами. Поднёс бутылку к губам, закрыл глаза и, запрокинув голову, сделал три тяжёлых глотка. После чего выдохнул, передёрнулся и, утерев слезу, протянул Дашке руку. – Егор. –

Дашка пожала протянутую руку.

– Что-то не в бойком месте торгуете, Даша – оживился Егор, сам не зная от чего перейдя на «вы».

– Устала я. Жарко там и народу много. –

Егор протянул Дашке бутылку.

– Не, спасибо. Я уже. Ты это... крышечку-то не выкидывай. –

– Чего так? –

– Там код на миллион евро. –

– А чего не на три? –

– Щас начальству позвоню, узнаю. –

– Ладно, ладно. Не кипятись. Миллион тоже хорошо. –

– Я на счёт крышечки серьёзно. Моё дело предупредить, а там как знаешь. –

Егор завернул бутылку и сунул в карман жилетки.

– Да, и анкетку надо заполнить. Это быстро. –

Дашка достала планшет.

– Фамилия, Имя, Отчество, мобильный телефон и мыло. –

Егор продиктовал свои данные, и Дарья зарегистрировала очередного претендента на главный трофей рекламной акции.

В это время на дорожке показался Мишка. Егор махнул ему рукой.

– Собутыльник твой? – поинтересовалась Дашка.

– Нет. Он не пьёт. –

– Закодированный? –

Егор не ответил, пряча улыбку.

– Привет молодёжь! – Мишка явно был в настроении.

– Ну, как ты, старичок? – растянул Мишка губы в улыбке.

– Да вот. Мир не без добрых людей – кивнул Егор на Даш-

ку.

– Познакомься. Дарья...не знаю как по батюшке. -

– Игоревна – вставила Дашка.

– Очень приятно. Михаил. -

– Михаил – троих удавил – отреагировала Дашка.

Мишка удивлённо посмотрел на Егора.

– На работе человек. Устал. – Егор снова улыбнулся, пытаясь сгладить неловкую паузу.

Дашка, не придав никакого значения этому эпизоду, откинулась на спинку скамейки, сняла бейсболку и расстегнула заколку.

Светлые волнистые волосы упали на плечи. Дарья была почти точной копией своей матери, но имела более утончённые черты лица, унаследованные от отца. Была повыше ростом, стройная, можно даже сказать, худенькая. Проще говоря – красавица, или как сейчас принято называть «девушка с модельной внешностью».

– Крашенные? – поинтересовался Мишка.

– Свои. –

– Можешь предоставить доказательства? –

– Дурак! – Дашка отвернулась.

– Да хватит вам – улыбнулся Егор. Ему заметно полегчало в последние минуты.

Был Егор самым обыкновенным московским пацаном. Жил с отцом и матерью в «двушке» большого «сталинского» дома на Ленинском проспекте, рядом с первой клиниче-

ской Пирогова. Звёзд с небес не хватала, но четвёртый год, худо-бедно тянул инжэкин МАИ по специализации «маркетинг и менеджмент в ракетно-космической технике». Уже пора было начинать диплом, но всё дело тормозила проклятая аэродинамика. Егор вздохнул, провёл рукой по своим тёмным волосам, закинув чёлку назад. Потёр подбородок, посетовав, на то, что не догадался побриться, просто потому, что не любил растительность на лице.

– Ладно. Хорошо с вами. Но поеду, а то Тамарка придет, искать будет. – Дашка снова заколола волосы и надела кепку козырьком назад.

– Ты здесь каждый день? – поинтересовался Егор.

– Пока да. –

– И мы здесь почти каждый день – поддержал разговор Мишка.

– Я здесь часто отдыхаю – продолжила разговор Дашка, надевая рюкзачок. – Хорошее место, спокойное. –

– А чего-то мы тебя здесь никогда не видели? – не унимался Мишка.

– Не знаю. –

– Да мы здесь по вечерам в основном – присоединился Егор.

– Это сегодня просто так...получилось – уточнил, пряча взгляд своих тёмно-карих глаз.

– Спасибо тебе, Снегурочка. Может, ещё увидимся. –

– Может быть – пожалала плечами Дашка и, оттолкнувшись

от скамейки, покати́лась в направление к центру парка.

Никто из этой троицы, не обратил внимания на неприметного мужчину в сером плаще, что, всё это время, сидел на одной из скамеек неподалёку, отщипывая от батона кусочки хлеба и бросая их голубям.

6

Чёрный «Х5», появился на парковке, перед центральным входом парка Горького на Крымском валу, минут за двадцать, до того, как Дашка прибыла на своё рабочее место, покинув гостеприимный кабинет на 88-м этаже «Конфедерации».

Вот уже третий час в нём томились двое мужчин. Окон не открывали, хотя день выдался ясным и тёплым. Большую часть времени сидели молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. В сосредоточенных лицах читались выдержка и терпение часовых почётного караула Мавзоля Ленина.

Наконец, один из них достал телефон из внутреннего кармана кожаной куртки, приложил к уху и внимательно слушал в течении секунд тридцати, после чего снова убрал телефон в карман и повернулся к напарнику.

– Ну, всё! Кукла пробочку сдала. Пацана можно брать. -

– Где он сейчас? –

– У Большого Галицынского. -

– Один? –

– Нет. С ним толстяк ещё какой-то. –

– О пробке знает? –

– Пока нет. –

В салоне Х5-го снова воцарилась тишина.

7

– Ну и зачем ты вчера Ирке пенчища ввалил? – снова расплылся в улыбке Мишка.

– Да, достала. –

– Девушка ревнует, беспокоится, а он драться – сел на любимую тему Мишка.

– Да я ей, что: муж, жених, парень, кум, сват, брат? Я её знать не знаю – разозлился Егор.

– Эх, брат, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь – продолжал веселиться Мишка.

– Кажется, уже знаю – как-то неопределённо ответил Егор.

– А-а! – с наигранным удивлением протянул Мишка. – Вот она горькая, сермяжная правда жизни. В действии. Путь к сердцу мужчины, всё же лежит через желудок. Точнее сказать... через горлышко. -

– Да отстань ты. –

– Ладно, не грусти, брат. «Всё пройдёт, пройдёт и это, ты сама со временем поймёшь» – промурлыкал Мишка слова знакомой песенки. – Чего делать-то будем? –

– Не знаю. Я домой, наверное – снова приуныл Егор.

– Тю! – расстроился друг. – Может по пивку? По одной. –

– Не, Миха, харэ. Сегодня матери про аэродинамику объяснить придётся. Что ж так всё не во время-то? – мотнул головой Егор.

– Ну, пойдём тогда. Чего высиживать? – Мишка поднялся.

– Пойдём. –

Неприметный человек в сером плаще, через несколько секунд тоже поднялся, стряхнул с себя хлебные крошки и двинулся следом.

8

– Заводи! – скомандовал, тот, что был в кожаной куртке, уже не выпуская телефона из рук.

– Куда сейчас? –

– На Ленинский. Гордей их ведёт. Сейчас из Титовского выйти должны. А там посмотрим. –

«Х5» плавно тронулся, и, урча, как огромный чёрный кот, поплыл параллельно садовому кольцу.

Внедорожник подъехал к Титовскому, как раз когда друзья попрощались, и Мишка начал спускаться в подземный переход.

– Походу толстяк отвалился – прокомментировал «кожаная куртка».

Тот, что был за рулём, несколько раз одобрительно кивнул головой.

– Гордей говорит, что он где-то здесь живёт. Так, что во дворе и возьмём. –

Водитель бросил взгляд в сторону Титовского, где чуть в глубине смог различить силуэт в сером плаще. Гордей едва заметно махнул рукой вправо от себя.

Егор дошёл до своего дома, свернул направо, через несколько метров налево и оказался во дворе. Посередине дороги проходящей вдоль подъездов опять чего-то ремонтировали. Люк от колодца пожарного гидранта лежал рядом с зияющей дырой, огороженной металлическими заборчиками.

Егор достал из кармана бутылку «Спранты» и улыбнулся. – Не тащить же мусор домой? – подумал про себя.

Допив остатки, повертел жёлтую крышку в руке и зафутболил вверх.

Крышка, кувыряясь, взмыла в воздух, потом, упав с высоты на асфальт, несколько раз подпрыгнула, доскакала до металлических ограждений, и, описав пару кругов вокруг собственной оси, юркнула в открытый колодец.

Егор проводил её взглядом и пошёл к помойке, выкидывать бутылку.

В это время Х5, как раз вкатился во двор, аккуратно объехал ограждения и поравнялся с Егором.

– Браток, бутылочку не выбрасывай – услышал он за спиной.

Егор обернулся и задал вопрос самому себе – Неужели,

сдавая пластиковые отходы можно накопить на «Х5»? -

Егор протянул бутылку. «Кожаная куртка» взял пластиковый сосуд, повертел в руках и швырнул в помойку.

– Крышка где? –

– Какая крышка? – не понял Егор.

– Понятно – ответил амбал. – Залезай, прокатимся. –

– Да вы чего мужики? Вы меня с кем-то путаете. -

– Путают, путаны, а мужики ошибаются. Но и это не про нас. –

– Да что ж сегодня все фразеологизмами-то сыплют? Одни гуманитарии кругом, а я с аэродинамикой связался – успел подумать Егор, прежде чем «кожан» сделал едва уловимое движение рукой и в то же мгновение, Егор почувствовал, как у него резко оборвалось дыхание, ноги сделались ватными, и тело стало заваливаться вперёд. Мужчина, нежно обхватил его, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, слегка присел и кошачьим движением, закинул в проём задней двери, предусмотрительно открытой его напарником, который услужливо придерживая дверь, походил скорее на швейцара дорого отеля, чем на злодея. После чего оба проворно заскочили каждый на своё сидение. Двери закрылись, и автомобиль, выехал из двора на Ленинский проспект, где, словно, выпущенный из стоила, племенной конь, почуввавший запах свободы, стремительно набирая скорость, понёсся в сторону МКАДа.

– Ну, что, ожил? -

Егор открыл глаза, щурясь от яркого света обнажённой лампочки свисающей с потолка, различив знакомое лицо мужика в кожаной куртке, что расположился на стуле напротив него. Попытался пошевелить пальцами рук, которые оказались, скованные наручниками за спинкой стула, от чего конечности занемели и потеряли чувствительность. Ноги также были связаны в щиколотках и начинали мёрзнуть. – Наверное подвал – подумал Егор. Огляделся. Небольшая комната без окон. Стены и потолок, выкрашенные белой краской. Пахло свежим струганным деревом и краской. Откуда-то из-за пределов комнаты, слабо доносился гул работающего электроинструмента. У стены заметил фигуру ещё одного мордоворота, который безучастно взирал на него.

– Так, где крышечка-то? – спросил «кожаный».

– Какая ещё крышечка? –

– От бутылочки! –

– В колодец нечаянно упала – ответил Егор, сообразив, о чём идёт речь.

– В какой ещё колодец? –

– Во дворе –

– Угу. У тебя миллион евро в колодец нечаянно упал, и ты даже не попытался его достать? –

– Какой ещё миллион евро? –

– Тебе же «кукла» сказала, что под крышкой промокод на миллион. Ты чего дурачка-то ломаешь? -

Егор сглотнул слюну. – Вы это серьёзно? –

Мужик хлопнул себя ладонями по коленям. – Руслан, ты слышал? – повернулся он к напарнику, который так и стоял у стены, за всё это время, ни разу не пошевелившись. – Он по ходу действительно не в курсе или как...? -

Руслан молча пожал плечами.

– У нас там – кивнул «кожан» в сторону двери. – Мастеровой один трудится. Зодчий. Оператор деревообрабатывающего станка. Большой мастер своего дела. Левша можно сказать. Он из тебя может резных наличников понаделать по твоим же эскизам. Бумагу с карандашом дать? Ты не сомневайся. Один в один исполнит. Очень ответственный человек.

– Да, правда, нет у меня крышки – взмолился Егор. – Я думал, она так...пошутила, девушка эта...промоутер. В колодце ваша крышка. В колодце. Честное слово. -

– Руслан, ты ему веришь? – снова обратился «кожаный» к подельнику.

Тот похрустел суставами пальцев и ничего не ответил.

– Тебя как зовут? – мужик снова перевёл взгляд на Егора.

– Егор –

– Учишься, работаешь? –

– Учусь... в МАИ –

– У-у-у. Инженер значит. -

– Типа того –

– Ну вот, я тебе работу по специальности нашёл. Ты же не против? –

Егор помотал головой в разные стороны.

– Ну, вот и славно. Ни о чём не беспокойся. На работу мы тебя сейчас отвезём. Да Руслан? –

Руслан кивнул головой.

– А телефончик твой пока у нас побудет. У тебя всё равно руки заняты – добавил «кожаный».

После чего разрезал верёвки на ногах Егора. Зашёл за спину и растегнул наручники. Егор встал, разминая затёкшие руки.

Мужик снова надел на него наручники и, достав из кармана чёрный платок, завязал ему глаза.

– Ну, пойдём, инженер. –

Егор, определил, что они вышли из комнаты, поднялись по небольшой лестнице, вышли на улицу, сели в машину и автомобиль тронулся.

Немного придя в себя, на мягком сидении, Егор начал судорожно соображать:

– Значит, Дарья, действительно дала мне призовую бутылку? Почему мне? Почему не взяла себе? Почему вообще... –

Тысячи, почему, одновременно вспыхнули в голове бедного Егора.

Поняв, что здесь и сейчас он всё равно, не найдёт ответа ни на один из этих почему, закрыл глаза пытаясь заснуть.

Егора проснулся от того, что машина резко остановилась. С удивлением узнал свой двор. На город уже опустился вечер, и казалось, что очертания домов, деревьев, машин растворяются на глазах, погружаясь в прохладные осенние сумерки.

Откуда-то из глубины послышалась знакомая мелодия. Егор по инерции сунул руку в задний карман. Не удалось. Наручники. Осознание происходящего обрушилось на него волной.

«Кожан» достал из внутреннего кармана смартфон посмотрел на экран и повернулся к Егору.

– Мама звонит -

10

– Да, бабулечка, привет. –

– Хорошо всё. А у тебя как? –

– Покушала. А ты? –

– Нет. Мама сегодня поздно будет. Они сегодня номер сдают.

– Нет. Никто не обижает, а тебя? –

– Пиратка охраняет? –

– Да. Он такой. –

– И я очень соскучилась, бабулечка. –

– Да. –

– Собираемся. В эти выходные. Мама как раз свободна. -

- А на машине надо? –
- Банки накрутила? –
- Хорошо. Я скажу маме. –
- Шарф с варежками? Не, бабулечка, рано ещё. –
- Люблю тебя очень. –
- Да. Пока. До выходных. –

Дашка бросила телефон на кресло и плюхнулась на диван.

Взяла пульт и включила телек. Большая светлая трёхкомнатная квартира на последнем этаже семнадцатизэтажки в Медведково нравилась Дашке. Она уже успела к ней привыкнуть, с тех пор как почти три месяца назад переехала к матери. Тогда она с удовольствием отметила, что высокий красивый дом находится рядом с шоссе, по которому они приехали в Москву из Климцева. Осознание постоянной близости к некой «ниточке», связывающую её с прошлой жизнью, успокаивало. Единственное, чего боялась, Дарья, так это смотреть в окно.

В деревню, они с матерью ездили почти каждые выходные, за исключением, тех что Анна, была вынуждена проводить на работе, и того раза, когда они ходили в театр. Один раз даже пришлось ехать на поезде, потому, что, подошёл срок очередного ТО, а на станции техобслуживания всё свободное время на буднях уже было расписано. Дашка была в восторге. На поезде ей понравилось гораздо больше, чем на машине, а Анна, когда вернулись домой, сказала, что её уже тошнит от этого вокзала, и больше она на поезде никогда не

поедет. И её можно было понять.

Несмотря ни на что, Дашка, очень любила свою мать, хотя кому-то на первый взгляд могло показаться, что легкомысленная Анна, бросила своего ребёнка на попечение бабушки, в угоду столичной жизни. На самом деле это было не так. И даже не потому, что Анна, при первой же возможности, мчалась в Климцево, к матери и дочери отказываясь от любых других вариантов, а просто потому, что порознь живут, не только из-за предательства и измены, а ещё и потому, что для кого-то, жить в разлуке – это просто такая жизнь. Не судите, да не судимы будете.

На эту квартиру, Анна копила с самого первого дня, как только устроилась на работу. До этого жила на съёмных квартирах «в складчину» с такими же «понаехавшими», как она, терпеливо, месяц за месяцем, год за годом, мечтая именно о «трёшке», чтобы им не было тесно. Но, когда выяснилось, что баба Катя категорически отказывается продавать их старый дом и переезжать в Москву, менять планы уже было поздно. Хотя вернее было бы сказать, что поменять планы можно всегда, но никогда нельзя изменить мечту.

По телевизору шёл хоккей. Болеть за «Локомотив», Дашку «научил» её школьный учитель Михаил Иванович. Ярославль безнадёжно «сливал».

Дашка выключила телевизор и пошла на кухню. Достала из холодильника яблоко, обтёрла об себя и откусила. Пожевав несколько секунд, выплюнула в помойное ведро. Обре-

зав ножом, место укуса, достала из выдвижного ящика рулон пищевой плёнки, зубами оторвала кусок и завернула в него яблоко. – «Мать на работу возьмёт» – решила про себя. Убрала плёнку, помыла нож и «прилепила» его к магниту на стене. Достала из холодильника пакет молока, хмуря брови, внимательно исследовала выражение лица коровы изображённой на упаковке, взболтала и, посомневавшись несколько секунд, засунула вместе с яблоком

обратно в холодильник и закрыла дверь.

Решила было пойти во двор, но передумала. Устала за сегодня, намаялась. Прилегла на диван и задремала.

Проснулась когда, сквозь сон слышала как, вернулась с работы мать. Почёсываясь, вышла сонная в коридор встречать.

– Ой, соня проснулась – расцвела Анна.

Дашка подставила макушку под поцелуй, для чего пришлось низко нагнуть голову.

– Привет – зевая пробормотала Дашка. – Сдали номер? – приняла сумку и потащила на кухню.

– Сдали. Куда было деваться. –

– Бабуля звонила... -

– Я знаю. Я разговаривала с ней. –

– В субботу поедем, или завтра вечером? – поинтересовалась Дашка из кухни.

– Посмотрим! – донёсся ответ из ванной сквозь шум льющейся из крана воды.

– О! Курочка! – воскликнула Дашка, доставая из сумки пакет с курицей-гриль завернутой в лаваш. Ты, мамулечка, мысли читаешь.

– И не только читаю – устало улыбаясь ответила Анна, проходя в кухню.

– А что ещё? -

Вместо ответа, мать подошла к Дашке и уткнулась лицом в волосы. Постояла так несколько мгновений, глубоко вдыхая, как будто ей не хватало воздуха, а Дашка была кислородной подушкой. Дашке нравился этот ритуал, потому что сразу после его исполнения с матери слетали последние следы усталости, и она выглядела отдохнувшей, беззаботной и помолодевшей. Хотя, в общем-то, молодеть ей было некуда. В свои тридцать семь Анна, могла дать фору тридцатилетним. Единственное, что отличало её от той семнадцатилетней девчонки прибывшей ранним утром на Ярославский вокзал, кроме пары морщинок в уголках глаз и отсутствия юношеской наивности во взгляде, то, что сразу после защиты диплома, Анна постриглась, и с тех пор так и носила короткую причёску. Но так ей шло даже лучше.

– Ножки мне, остальное тебе – хищно закусив язык, Дашка оторвала сочную бронзовую ляжку.

– Нет. Мне крылышки. – Анна Николаевна оторвала одно крыло и положила на тарелку.

– Как дела на новой работе? –

– А, нормально – откусывая куриную мякоть, ответила

дочь. – Сегодня в «Москве-Сити» была. –

– И как тебе? –

– Нормуль. «А над удолбанной Москвою в небо лезут леса» – пропела Дашка, увлечённо обгладывая косточку.

– Пожалуйста, Даша, не надо. Ты же знаешь я не люблю все эти песни – прервала её Анна.

– Дашка пожалала плечами – А по-моему, прикольно. –

Какое-то время ели молча.

– А у отца хорошие песни были? –

– Хорошие. –

– А про что? -

– В том то и дело, что не про что. -

– Как это? -

– Не знаю. Это теперь мне как филологу с опытом работы, понятно, что в этих песнях не было никакого смысла, а тогда мне казалось, что это было что-то невероятное. Они были как мантры. -

– А что это? -

– Что-то вроде молитв, заклинаний. Понять их можно было только трансцендентально. -

Дашка поперхнулась. Иногда мать, используя подобную терминологию, заставляла её врасплох – А это как? -

– Это понять, непонятно как. Извини за тавтологию. -

– А. Понятно. Ну, слова-то там какие-нибудь были?

– Конечно, были. -

– А записи какие-нибудь остались? –

– У меня нет. -

– Так про что пел-то? – не унималась Дашка.

– Про звёзды, про дороги, как правило, кольцевые или уходящие в бесконечную даль, что впрочем, одно и то же, про ветер, ночь, ну и про солнце конечно. -

– Прикольно. -

– Да уж, обхохочешься. -

– Вот бы послушать. -

– Упаси бог – взгляд матери на мгновение потерялся в воспоминаниях, но тут же вернулся.

– А музыка-то хорошая была? -

– Хорошая. И играли хорошо. Вот играли очень хорошо. -

– А какой он был? –

– Кто? –

– Отец. -

– Баламут. -

Дашка рассмеялась – И чего он баламутил? -

– Себя он баламутил. Знаешь – есть такой тип людей, себя баламутят, а вокруг всё само собой баламутится. -

– Колдун чтоль? -

– Угу. Чародей. -

Дашка опять засмеялась.

– Ну, кроме концертов-то вы куда-нибудь ходили?

– Конечно, ходили. На пьянки, к его друзьям. -

– И ты пила? -

Бывало. Ты знаешь, они мне все тогда казались людьми

из другого мира. Некими небожителями. Все эти разговоры: Ницше, Джойс, Манн, Булгаков, Достоевский, ну и эти... друзья твои – Кинчев с Гребенщиковым. Это теперь мне ясно, что всё это была пьяная болтовня нахватавшихся верхушек юнцов. Так однажды разошлись, что твой отец поссорился со своим лучшим другом. -

– Из-за чего? -

– Из-за религии. Его друг, Алексей кажется, звали, ляпнул, что «подставление левой щеки» – это банальная трусость. Отец твой взвился и начал цитировать, Лао-цзы, что-то вроде: «Человек побеждающих других силен, побеждающий себя всемогущ», и всё в таком роде. Подливали попутно. Ну и пошло-поехало:

– Правильно Ницше про вас христиан говорил: слабаки беспомощные, которые, чтобы убожество свое и злобу бесильную оправдать, успокаивают себя своим смирением и кротостью, якобы это очень вашему богу угодно. Да не просто успокаиваете, а еще себя героями – мучениками выставляете. Вот мы, мол, какие героини-страдалыцы у врагов прощения просим, а дай вам волю и ресурсы вы бы враз всех подряд на костре переплавили во славу божью.

– Ницше говоришь? Ага! Это который Сына Божия идиотом обозвал? Однако умный шибко был, что последние одиннадцать лет жизни в дурдоме скоротал.-

– Так твои же церковники его туда и законопатили! –

взвизгнул тогда Алексей. – Сестра его всем говорила, что предупреждали его слуги божьи: кончай, дружок, свои ереси крапать.

– Так тем более, раз он добровольно муку и гонения от живущих на земле принял, да на одиннадцать лет затворничества себя обрек, чем он от юродивого отличается? Но, он, ядри его мать, не хотел одним из многих быть, хотел одним таким страдальцем быть, мол, во славу Божию дураков хватает, а вот во славу антихриста я один такой, а вы все тут заблудшие и ничего в жизни не смыслите. Вот и отличился. Молодец. Единственное, что путное из себя выдавил в "заратустре" своей: "идешь к женщине – захвати с собой палку", да только боюсь, как бы он сам не был любителем, от женщин палку другую получить... -

–А потом? – Дашка вытаращила глаза.

– Потом этот Лёша предложил отцу: – Давай я тебе по морде съезжу, а ты меня люби после этого -

– И? -

– Отец твой подскочил к нему. На! Бей! Ну, тот не будь дураком и влепил ему. -

– Сволочь какая! – Дашка схватила вилку с тарелки матери и со всего размаха вонзила в курицу.

Анна осторожно выдернула вилку и положила на место. – Потом мы сразу ушли. Через несколько дней, кто-то предложил Игорю и его группе, сыграть несколько концертов в Питере. Они уехали. Больше он не звонил, а я не стала его

искать.

– А вдруг с ним, что-нибудь случилось? –

– Нет. Он был после этого в университете, документы забирал. Мне рассказали. В «универе» после того скандала, пошли слухи, что весь этот конфликт был заранее спланирован. Якобы я дала этому Лёше повод, думать, что готова бросить Игоря и переметнуться к нему... В общем чушь несусветная. А отец твой, видимо, посчитал ниже своего достоинства, что-то выяснять. Он же звезда был. Не знаю. – Анна вздохнула. Вот такая, тогда получилась, «ромпекабеса»¹.

Прошло несколько минут тишины.

Анна поднялась, наполнила чайник водой из фильтра и нажала кнопку.

– А сейчас чего слушаешь? – спросила Дашка, первое, что ей пришло в голову, лишь бы прервать затянувшуюся паузу

– Паулу Фернандес. -

– А замуж почему не вышла? Ты же умная и красивая. –

– Наслушалась на работе от девок, про вечно обоссанные толчки, пиво, диван, футбол, носки и прочее – ответила Анна, превратившись из главного редактора в обычную домохозяйку.

– Понятно –

Мать с дочерью допили чай.

– Всё. Спать! – скомандовала Анна Николаевна.

Девушки поднялись из-за стола, на пару помыли посуду,

---

¹ Rompecabeza (исп.) – головоломка

после чего погасив свет во всей квартире, разошлись по своим комнатам.

Анна разделась, но перед тем, как лечь в кровать, подошла к окну. Яркий свет полный луны падал на стройный силуэт женщины, прорисовывая каждую частичку её тела, от чего кожа плеч, рук и спины казалась белее снега, и вся она была похожа на высеченное из мрамора античное изваяние, покрытое серебряным инеем. Стояла, пристально всматриваясь в пустоту, казалось бы, застыв так навечно, но уже через несколько мгновений, плавным движением задвинула шторы и растаяла в темноте.

11

– Мама же подождёт пять минут? Верно? – «кожан» спрятал смартфон обратно в карман.

– Мама? – переспросил удивлённо Егор.

– Сейчас ты быстренько лезешь в колодец, находишь пробку, отдаёшь нам, мы отдаём тебе твой смартфон, и ты возвращаешься к маме. Делов-то на пять минут. Не такая уж сложная задача для будущего инженера. Верно? –

– Верно – согласился Егор. Так темно же. -

– Конечно, темно. Ночь почти. Но мы же тоже в каком-то роде инженеры... человеческих тел. И как всякие порядочные инженеры, располагаем необходимым набором технических средств, для достижения поставленных целей. Верно,

Руслан? – Руслан кивнул.

– Короче, Кулибин. Вот тебе фонарь – мужчина протянул Егору фонарик, – И... на выход.-

Втроём они вылезли из машины. Двор уже полностью был погружен в темноту сентябрьской ночи.

Егор подошёл к колодцу. Ремонтные работы были уже закончены, ограждения убраны и люк покоился на своём законном месте. Егор присел над ним и попытался открыть.

– Он это... Подцепить бы чем – пожаловался Егор.

– Ох, уж эти студенты – пожаловался в ответ «кожаный» и повернулся к напарнику.

Руслан, подошёл к машине, достал из под водительского сидения кусок стальной арматуры, вернулся и протянул Егору. Егор вставил конец стального прута в отверстие в крае люка и приподнял. Перехватил рукой, отбросил железку, и уже двумя руками сдвинул люк на асфальт.

– Не шуми. И на улице фонарь не включай. Там включишь. – проконсультировал «кожаный».

Егор сел на край колодца, свесил ноги вниз и нащупал перекладину сварной лестницы. Осторожно начал спускаться. Когда почувствовал, что голова уже была ниже поверхности дороги, включил фонарь, так спускаться стало гораздо легче. Спрыгнув с последней ступеньки и почувствовав под ногами твёрдую почву, осветил фонарём пространство. Мокрые кирпичные стены блестели во мраке, и образовывали коридор, уходящий в темноту. Егор посветил себе под ноги. Чёр-

ные лужицы, тут и там, отражали свет. Егор медленно направил луч по кругу, и когда уже развернулся на пол оборота, увидел её – жёлтую крышечку от бутылки «спранты», лежавшую на земле в трёх шагах от Егора. Он приблизился к ней, присел, протянул руку и тут же резко отдернул её обратно. Большая крыса, внезапно появившаяся неизвестно откуда, обнюхивала крышку.

– Отдай. Это моё – прошептал испуганным голосом Егор.

Крыса посмотрела на Егора маленьким глазками и отодвинула крышку носом на несколько сантиметров в сторону, как бы, тем самым, выражая своё несогласие.

– Ну что там? – слышался голос сверху.

– Есть – вполголоса крикнул Егор. Но тут крыса. -

– Ну, крыса то нам не нужна, так что бери крышку и вылазь. -

– Не могу. Она крышку не отдаёт. -

Инженер, ты там совсем умом двинулся? -

Егор перевёл взгляд вверх. В проёме люка просматривалось едва различимое очертание головы. Егор снова посмотрел туда, где должна была быть крыса, но там уже было пусто. Вскинул фонарик и увидел её, удаляющуюся с крышкой в зубах. Егор протянул руку и пошел вслед за ней.

– Инженер, ты куда? –

– За крышкой – крикнул в ответ Егор, не останавливаясь.

Сверху слышался шорох, и что-то посыпалось вниз.

Егор ускорился, что бы догнать грызуна, но не удалось.

Крыса тоже прибавила ход. Егор снова перешёл на шаг. Крыса продолжала семенить впереди в жёлтом пятне света, которое оставлял на земле луч фонаря. Когда Егор снова попытался догнать её, с удивлением обнаружил, что, зверьку удаётся сохранять постоянную дистанцию между ними. Сзади слышались приближающиеся тяжёлые шаги. Егор перешёл на лёгкий бег, уже не столько, для того чтобы догнать крысу, а с инстинктивным желанием оторваться от преследования. Так, постепенно наращивая темп, он продолжал бежать. Когда скорость возросла, как показалось Егору, до скорости на которой первая ступень отделяется от ракетоносителя, он отчётливо понял, что останавливаться уже не имеет смысла, и, что остановка в данной ситуации была бы «смерти подобна», в прямом и в переносном смысле. Также он некстати отметил, что на практике основные принципы аэродинамики становится гораздо понятнее.

Крыса держала интервал, примерно, шагов в пять-шесть. Так они молча бежали втроем друг за другом, ещё несколько секунд, когда вдруг крыса внезапно юркнула влево, и исчезла из поля зрения самым непостижимым образом. То, что произошло потом, Егор не смог бы объяснить себе никогда. Не давая отчёта своим действиям и вопреки всякому здравому смыслу, он на бегу выключил фонарь, два раза глубоко вдохнул, и интуитивно почувствовав, что это нужно сделать именно здесь и сейчас, ни секундой раньше ни секундой позже, в кромешной темноте, не снижая скорости рез-

ко свернул влево и... почувствовал, что продолжает бежать. Он остановился, перевёл дыхание и замер. Шаги того кто бежал за ним были слышны ещё несколько секунд, после чего смолкли. Егор сообразил, что в полной темноте его преследователь вынужден был остановиться. Расчёт оказался выверенным до долей секунд и сантиметров.

Егор закусил запястье, стараясь дышать, только через нос. В абсолютной тишине, звук собственного дыхания казался ему рёвом стартующей ракеты.

Через некоторое время, где-то, сзади и левее от себя, он услышал хриплый прерывистый голос.

– Инженер, сука! Ты где? –

Егор, понимая, что в живых его уже точно не оставят, не зависимо от того, найдёт он крышку или нет, предпочёл не отвечать.

Через какое-то время, оттуда же послышались мелкие шажки, обычно издаваемые человеком, пытающимся передвигаться в темноте на ощупь. Егор последовал его примеру. Попытался вытянуть руки в стороны, но они тут же упёрлись во, что-то влажное и шершавое. Осторожно ощупав поверхность снизу вверх, понял, что находится в узком проходе. Где-то за спиной прошелестели неуверенные шаги, и снова стало тихо.

– Пронесло – подумал про себя Егор.

Постепенно продвигаясь вперёд, он понял, что попал в ответвление основного коллектора. Через несколько шагов

правая рука провалилась в пустоту, и Егор решил проследовать туда. Глаза понемногу стали привыкать к темноте, и стало возможно передвигаться быстрее. В то же время Егор понимал, что «кожан», а судя по голосу, это был он, тоже адаптировался в этих катакомбах и так же бродит где-то неподалёку.

Егор сел на корточки и прислонился спиной к стене. Всё, что произошло с ним за последние полдня, не укладывалось в голове. Вся эта череда нелепых событий казалась, каким-то страшным сном. Потеряв ощущение времени и пространства, Егору стало казаться, что он сходит с ума. В голове всё кружилось и гудело. Страшно хотелось пить.

– Всё! – сказал он сам себе и повалился на бок. Так лежал, бездумно глядя перед собой, неизвестно, сколько времени, пока не поймал себя на мысли, что всё это время смотрит на жёлтенькую крышечку. Сфокусировав взгляд, увидел, что крышку держит в своих розовых лапках крыса. Он протянул руку перед собой и помахал ею из стороны в сторону, пытаюсь разогнать видение. Но видение не растворилось, а скорее наоборот. Крыса пошевелилась, и вместе с крышкой не спеша, сделала пару шажков вдоль стены. Егор попытался включить логику, благодаря чему пришёл к выводу, что раз зверушка помогла ему один раз, то не исключено, что поможет снова.

Он встал, как смог отряхнулся, и неуверенно шагнул к грызуну. Крыса попятилась. Егор сделал ещё один шаг, кры-

са сделала то же самое. Так, на пару они шли, ныряя в закоулки подземелья, то вправо, то влево, то какое-то время, следуя прямо. Как показалось Егору, это блуждание по лабиринту продолжалось минут двадцать, когда, наконец, что-то блеснуло впереди по ходу движения. Егору показалось, что это было какое-то небольшое отверстие в стене, расположенное на уровне колен. Крыса побежала быстрее, и, добежав до отверстия, приподнялась на задние лапки, вытянулась и перекатывая крышку передними лапками вверх по стене, провалила её внутрь. После чего отбежала на пару метров и присела, поджидая Егора.

Егор подошёл к окошку, и увидел, что оно было зарешёчено. Встав на четвереньки, приблизил лицо к отверстию и, уткнувшись в ржавые прутья, попытался заглянуть внутрь. С той стороны пахло речной водой и тянуло холодом. Егор услышал где-то внизу плеск воды, а впереди на тёмной глади зеркальной поверхности, непонятного происхождения, отражение тысячи ярких огоньков. Вглядываясь в отражение, он, наконец, понял, что окошко располагалось в верхней части стены набережной, и возвышалось с той стороны над Москвой-рекой.

– Ты зачем крышку утопила, обезьяна? – повернулся Егор к своему проводнику. Крыса пискнула и отпрыгнула в сторону, приглашая, тем самым Егора продолжить путь. Егор почувствовал, что они с его новой подружкой, уже неплохо понимают друг друга. Подёргав на всякий случай прутья решёт-

ки, Егор поднялся и безвольно поплёлся вслед за ней.

Так они блуждали по бесконечным лабиринтам ещё, наверное, с полчаса, и Егор уже начал думать, что его провожатая сама заблудилась, или ещё чего доброго взяла на себя роль прославленного героя, небезызвестного костромича Ивана Сусанина, когда неожиданно увидел, что крыса остановилась у двери выкрашенной серой краской. Егор подошёл к двери и без особых надежд нажал ручку вниз и толкнул от себя.

Яркий свет ударил по глазам. Егор зажмурился. Не отпуская дверную ручку, перенёс одну ногу через порог, приоткрыл глаза, и так и остался стоять в такой позе, узнав вестибюль станции метро Октябрьская – кольцевая. Немного подумав, Егор обернулся назад. Крыса сидела в двух шагах от него, глядя маленькими красненькими глазками отражающие свет станции.

– Спасибо тебе, обезьяна – поблагодарил свою спасительницу Егор.

– Как хоть тебя зовут-то? – крыса только пискнула в ответ, неуклюже развернулась и засеменила обратно, исчезая в темноте.

– Тоже, наверное, Дашка? – подумал Егор про себя, опустил наконец ногу и рухнул в пустоту.

Полёт был недолгим. Лежа на спине между рельсами Егор определил, что высота была не такая уж большая, может быть метр, полтора, хотя чувствовал, что ударился здорово.

Чуть в стороне над ним возвышалась строительная тура, на самом верху которой, мужик в спецовке пытался прилепить плитку к стене.

– Вас там ещё много? – поинтересовался мужик, глядя на Егора с высоты, видимо слыша его монолог, обращённый к крысе.

– Нет. Я один – ответил Егор.

– Понятно – ответил строитель. – Вроде бы уже давно по ночам не продают, а они где-то всё находят – проворчал рабочий.

Егору было не до полемики, – Вы не знаете, как отсюда на улицу выйти? –

– Ты, что, никогда в жизни из метро на улицу не выходил? – ответил мужик вопросом на вопрос.

– Выходил. Позавчера. -

– Ну и как? Вышел? –

– Вышел –

– Ну а чего тогда спрашиваешь? –

Егор понял, что работать в ночную смену, видимо «не сахар». И вообще, осознал, что в свете последних событий стал, как-то более серьёзно и ответственнее, относится к своему обучению в институте.

Егор опёрся руками на край платформы, подпрыгнув, сделал «выход на две» и, перекинув ногу, на четвереньках выполз на станцию. Встал на ноги и, не оглядываясь, пошёл на выход. Там и тут, по платформе сновали рабочие, мужчи-

ны и женщины, группами и поодиночке. Каждый был занят каким-нибудь делом, и от того, никто не обращал на него внимания, а может быть, благодаря, тому, как выглядела его одежда, принимали за своего. Подойдя к эскалатору, встал на ступеньку и стал отряхиваться, пытаясь хоть как-то привести себя в порядок. Отряхнувшись, понял, что эскалатор выключен. Пошёл пешком.

Вышел на улицу, глубоко вздохнул и по привычке направился в сторону дома. Однако метров через пятьдесят сообразил, что домой сейчас идти никак нельзя.

– «Кожаный» с Русланом наверняка стерегут возле подъезда! –

Остановился. Решил идти в полицию, удивляясь, как эта простая мысль сразу не пришла ему в голову, благо до отделения на Донской улице было подать рукой. Несмотря на поздний час, машин, что проносились по Ленинскому в обоих направлениях, шурша шинами по сухому асфальту, было не на много меньше чем днём. Егор спустился в подземный переход, размышляя на ходу о том, что скажет полицейским. На фразе: – Вы знаете, за мной гонятся двое бандитов, они меня пытали и хотят отнять у меня крышку от бутылки, которая стоит один миллион евро, и которая утонула в реке... – Егор остановился. Подумав немного, развернулся и пошёл назад, чётко осознав, что подпись под таким текстом заявления, равнозначна подписи главврача психиатрической больницы в «карте стационарного больного» – Романова Егора

Александровича, в графе «принят».

Оставалось, пойти к Мишке. Но не было смартфона. Позвонить по домофону среди ночи, означало разбудить и переполошить всё многочисленное Мишкино семейство, а это было чревато последствиями. Воспрявший было духом Егор, вновь загрустил.

Сам не заметил как, добрёл до Большого Галицынского пруда, где, вчера днём и начались все его несчастья. Егор сел на ту же лавку и поёжился от холода. Только сейчас, придя в себя и немного успокоившись, он почувствовал, что замёрз. Фонари, как зимнее солнце, светили, но не грели. Чтобы хоть как-то согреться, он встал, обхватил себя за плечи руками и стал интенсивно прохаживаться вдоль причала лодочной станции, до тех пор пока не почувствовал, что под ногой что то хрустнуло. Он убрал ногу и увидел пластиковую крышечку от бутылки газированной воды. Егор вздрогнул. Но приглядевшись внимательнее, понял, что это была крышка от «репси», да к тому же ещё синего цвета.

Он в сердцах двинул по ней мыском кроссовки, и крышка, спланировав, плюхнулась в воду пруда. Егор проводил её взглядом и продолжил согревающие процедуры, когда вдруг, мысль, электрическим разрядом пронзила мозг. Егор повернулся и посмотрел туда, куда упала крышка. Крышка, безмятежно покачивалась на поверхности воды. Егор непроизвольно сглотнул.

Где-то в глубинах подсознания, пускай один из ста, но за-

брезжил шанс на спасение. Егор начал судорожно соображать: – Его крышка не утонула! Это – Рраз! Значит, её можно найти. Это – два! Скорее всего, заплучив крышку, «кожан» со своим подельником отвяжутся от него. Это – тррри! И тогда всё снова станет хорошо. Это – четыре, пять, шесть, семь и так далее до бесконечности!

Егор попытался воспроизвести в памяти силуэты зданий отражающихся на воде, которые видел из зарешёченного окошечка, дабы по ним определить его местонахождение. Конкретно, то самое место определить не смог, но убедился, что это стена набережной парка Горького.

– В любом случае – подумал Егор, – этих дырок в стене набережной должно быть не так уж много. Если крышка, каким-то образом, не уплыла вниз по течению, возможно зацепившись за что-то или причалив в какую-нибудь бухточку, есть шанс, что до утра она никуда не денется, если только весь животный мир не состоит друг с другом в сговоре, и какая-нибудь чайка по просьбе крысы, не возьмёт её в клюв и взмыв под облака, не станет, таким образом, водить его за собой по миру. -

Финализовав свои умозаключения пословицей «Утро вечера мудренее», Егор подошел к прогулочной лодке, на три четверти покрытой тентом. Устроившись внутри, он потянул за край полотна и, накрыв полностью лодку, очутился в кромешной темноте. Понемногу согреваясь, Егор начал прокручивать в голове события прошедшего дня, и в тот

момент, когда в воспоминаниях начал всплывать образ прекрасной снегурочки на роликах, провалился в глубокий сон.

12

Этой ночью, Дашка, после разговора с матерью, долго ворочалась и никак не могла заснуть. Она почти ничего не знала о своём отце, потому как в их маленькой семье было не принято об этом говорить. Бабушка ничего не рассказывала, наверное, потому, что сама ничего не знала, а мать – наверное, потому, что не хотела.

В детстве, Дашка была обижена на него, за то, что он бросил их, но теперь она готова была драться за него. Не то, чтоб Дашка была сильно набожная, но к верующим людям относилась с сочувствием. Ещё, лет десять назад, когда была маленькой девочкой и начала ходить в школу, подружилась с отцом Тихоном, при весьма, драматических обстоятельствах.

Ближайшая от Климцева школа, находилась в трёх километрах, в посёлке Пронино. Сосед Михаил Иванович, который ещё учил Дашкину мать, так и работал в той самой школе, и каждое утро они с Дашкой, вместе торжественно выезжали из деревни на его стареньком «москвиче», а вот уже обратно её приходилось добираться до дома одной.

Однажды она, что-то не поделила со своей одноклассницей, и прониинские ребяташки решили её проучить. Возвраща-

щаяся после занятий, домой, когда она, уже выходила из посёлка, несколько мальчишек и девчонок поджидали её у дороги. На обочине валялись велосипеды. Дашка не испугалась, ни капельки, когда они обступили её, просто ей стало очень обидно, уже тогда она понимала, что так не честно. Светка, та самая одноклассница, подошла к ней, и сильно толкнула её в грудь. Дашка упала в песок и заплакала. Удовлетворённые расправой ребяташки повскакивали на свои велосипеды и с гиканьем, наперегонки, помчались обратно в Пронино, а она, так и осталась сидеть на дороге, размазывая слёзы по чумазому личику, когда услышала голос за спиной:

– Девочка, что случилось? Почему ты плачешь? Тебе больно? –

Дашка вспомнила, что обернулась тогда и увидела старика с бородой, одетого в черную рясу. У него было доброе и умное лицо, и грустные глаза, в которых читалось тревога и сочувствие.

– Нет. Просто форма продралась. Бабушка ругаться будет – ответила она сквозь слёзы и разревелась окончательно.

– Ничего – поднимая маленькую Дашку с земли, проговорил старик – Починим, мы твою форму, так, что бабушка ничего не узнает. –

– А если узнает? –

– Тогда, конечно, придётся всё рассказать. Но всё равно, так она будет ругаться гораздо меньше. Согласна? –

Дашка кивнула, вытирая носик, взяла старика за руку и

они пошли в сторону Пронинской церкви, что была тут же неподалёку, рядом с кладбищем.

Отец Тихон жил в маленькой избушке при церкви. Перед тем как, войти внутрь, они подошли к рукомойнику, что висел на стене домика. По очереди умыли лицо и руки, вытерлись полотенцем, что висело рядом.

Когда они вошли в небольшую комнату, миновав сени, старик с поклоном перекрестился на старую тёмную икону в углу, после чего, снял с гвоздя, вбитого в бревенчатую стену, фланелевую клетчатую рубашку и протянул Дашке.

– Одень пока это –

Дашка быстренько скинула с себя школьное платьице, заметив, что старик в этот момент отвернулся к окну, чтобы поправить белоснежные занавески, и надела огромную пушистую рубаху, которая доставала до пола. Отец Тихон, повернув рукава, усадил её на лавку за струганный дощатый стол, стоявший посреди комнаты. Налил в глиняную кружку молока из крынки, что стояла тут же на столе, придвинул миску с баранками, сняв с неё чистое полотенце, а сам, взяв с полки, жестяную коробку, поднял с пола платье и присел на такую же лавку под окном. Пока отец Тихон зашивал дырки на локтях Дашкиного платьица, она, хрустя баранками и запивая их свежим молоком, украдкой разглядывала странное жилище старика.

В углу стояла заправленная кровать. Над ней, возвышалась деревянная полка со всякой домашней утварью. У сте-

ны за спиной, высотой от пола до самого потолка – большой шкаф с книгами, да часы-ходики над дверью. Больше, кроме того, что Дашка уже успела разглядеть, в комнате ничего не было.

Дашка, уже успокоившись, и почти забыв о недавнем происшествии, заскучав, решила начать разговор.

– Деда? А ты поп? –

– Поп – ответил старик.

– А как тебя зовут? –

– Тихон. А тебя? –

– Меня Даша Новосёлова. Я в Климцево живу. Я деда, наелась. Спасибо. Больше не хочу. -

Отец Тихон, отложил шитьё, подошёл к столу, отодвинул на край крынку и миску, снова накрыв их полотенцем, проведя по столу ладонью, собрал в неё крошки и вытряхнул в окно. Дашка увидела, как со всех сторон под окно, громко чирикая наперебой, слетелись воробьи.

Потом отец Тихон, взял с полки коробку цветных карандашей, тетрадку и положил перед ней.

– Порисуй пока, Дашенька – сел на лавку и продолжил работу.

Дашка стала, рисовать, но через несколько минут опять заскучала.

– Деда? -

– Ая – отозвался Тихон.

– А ты сказки какие-нибудь знаешь? –

– Знаю –

– А откуда? Бабушка говорит, что попы только Библию читают. –

– Так почти все сказки из Библии взяты –

– Как такое дело? – изумилась маленькая Дашка.

– Ну как же. Ты вот сказку про курочку-рябу знаешь? – спросил Тихон, не отрывая взгляд от иглы.

– Знаю –

– Так вот она в Библии написана –

– Не – улыбнулась Дашка. – Обманываешь.

– Нет. Не обманываю. Просто в Библии она другими словами написана, а чтобы маленьким понятно было, взрослые её по-другому пересказали, попроще. Ты про Адама и Еву когда-нибудь слышала? – поинтересовался в свою очередь отец Тихон.

– Слышала. Это первые люди так назывались.

– Правильно. Вот это сказка про них. Как она начинается? –

– Жили-были дед да баба... – с сомнением в голосе произнесла Дашка.

– То есть Адам с Евой, если как в Библии – продолжил Тихон. -

– Курочка-ряба, то есть Бог, снесла им золотое яичко, это значит, что они жили у Бога в раю. Но чтобы жить им вечно в раю, было одно условие – не срывать и не кушать одно вкусное и красивое яблоко, что висело на дереве в райском

саду. А Адаму с Евой, уж больно оно нравилось и хотелось им очень его попробовать. Но они боялись, потому, что знали, что Бог, то есть курочка-ряба, прогонит их из рая за это. Вот это, их сильное желание сорвать яблоко и было тем, что бабка с дедом пытались разбить золотое яичко. И так бы и не разбили, если бы мышка не помогла – махнула хвостиком, то есть змеем-искусителем, яичко-то упало и разбилось – сорвали, стало быть, Адам с Евой то яблоко. Пришло тогда время Богу прогонять Адама и Еву, а они давай плакать. И тогда курочка, то есть Бог, сказала, деду с бабушкой, то есть Адаму с Евой – Не плачьте, я вас совсем-то без яичка-то, так уж и быть не оставлю, только будет оно теперь не золотое как рай, а простое, как жизнь на земле.

– Вот так – закончил свой рассказ Тихон.

Дашка приложила ладошки к щёчкам и, покачивая головой в разные стороны, изумленно протянула. – Уму непостижимо!

– А чего же Бог не знал, что змей так поступит? -

– Знал. -

– А чего же он его в клетку не посадил? -

– Потому что Богу очень хочется, чтобы мы сами решали, как нам поступить – хорошо или плохо.

– А зачем чтобы мы сами решали? Если он всё может решить за нас? – не унималась маленькая Дашка.

– Потому, что создал нас по своему подобию и образу и хочет, чтобы мы были такие же разумные и справедливые

как он.-

– А-а. А если я буду себя плохо вести Бог меня тоже с нашего яичка, на какое-нибудь, похуже отправит?

– Ну, это уж совсем для очень хулиганистых, которые, удержу не ведают, а нормальному человеку незачем плохого яичка бояться. Он и так знает, что плохо делать нельзя. -

– А зачем же тогда люди плохое делают? -

Да вот все потому, что созданы по подобию Божьему с правом, выбирать между добром и злом. Только Бог сильнее людей и зло никогда не выбирает, а людей слабых и неразумных на землю для того и отправил, чтобы также научились как он, а как научиться тогда уж обратно в рай заберёт.-

– Странно, а если люди знают всё это, зачем же зло выбирают? -

На то и щука в реке чтобы карась не дремал. Мышку то он, тоже к нам сюда вместе с Адамом и Евой отправил. Вот и бегаёт вокруг нас и хвостиком так и машет. Ты вот тоже, наверное, когда уроки садишься делать наверняка сразу, что-нибудь отвлекать начинает?

– Ага – согласилась Дашка.– Как назло, то мультик интересный по «телеку» начнут показывать, то спать очень захочется.

– Тихон улыбнулся – Потому и говорят тяжело в учении... -

– Ну, я то, маленькая, а взрослым, наверное, легко живется? –

– У них свои уроки, гораздо труднее твоих. -

– А зачем тогда люди дерутся? – вспомнила Дашка сегодняшнее происшествие.

– А потому что им, что-то не нравится. Те, кто вокруг них, то, что им приходится делать. -

– А чего же Бог не расселит людей по земле так, как Михаил Иванович нас рассаживает по разным партам, когда в классе, кто-нибудь подерётся? -

– А потому, что яичко наше, не совсем простое, оно как часовой механизм, где много много-много всяких шестерёнок и деталек. Вот эти детальки с колёсиками и есть люди. И чтобы часы исправно ходили, каждая деталька должна быть на своём определённом месте и делать своё дело. А поскольку все детальки друг за друга цепляются, то и должны жить дружно, понимая, что у них на всех одна общая задача, – чтобы часы работали хорошо.

– Так зачем же эти люди-детальки дерутся, часы ломают, если им же самим нужно чтобы они исправно ходили? -

– А потому что некоторые думают, что лучше знают, чего ближнему делать должно, и каким ему быть, от того берутся указывать да воспитывать. Есть лодыри и паразиты, что хотят, за счёт соседа прожить. А хуже, что и те и те, ещё и других подбивают да собирают против соседа, чтобы своего добиться. -

– А зачем же других подбивают? –

– А в одиночку боязно. Да и знают, что ума не хватит. -

А есть такие, – продолжал отец Тихон, – которые думают, что Бог ошибся, когда их на своё место поставил. Этим, кажется, что у соседней детальки место теплее и работа полегче, оборотов поменьше за сутки делает или, что Бог её из более дорогого материала сотворил. Всё это мышка хвостиком машет – вздохнул отец Тихон – вот и дерутся.

– Но ведь так и есть. – Есть люди богатые и бедные, есть, что лучше других живут – увлеклась разговором Дашка.

– Да. Но по-другому часовой механизм устроить нельзя. Должны быть детальки и простые и те, что поглавней, но с них и спросу больше. –

– А что ж и хороших деталек на свете нету? – расстроилась Дашка.

– Как ни быть. Есть. Да только и хорошие иногда ошибаются.

– Иные встречаются, что никому ничего не указывают, своим трудом живут, на чужое не зарятся, а всё равно кажется им, что где-то не здесь их место и детальки вокруг них не те. Вот и ходят, ищут своё место. От того и маются по жизни. Хорошо если, какие из них вовремя сообразят, что зря пошли искать, того чего нет, и успевают на своё положенное место вернуться. А некоторым бывает, когда сие поймут, уже и вернуться некуда, да и времени на обратный путь не остаётся. Так эти, по неразумности, не между добром и злом выбирают, а между добром и добром. –

– Вот и бабушка говорит – От добра добра не ищут. Где

родился, там и стодился – добавила Дашка.

– Правильно твоя бабушка говорит – подтвердил священник. Благими намерениями... В общем, трудно Богу с нами – отец Тихон перекрестился – Часы свои в исправности содержать. Вот только милостью, терпением и мудростью, со всем хороших людей-деталек, только и держаться. -

– А есть совсем, хорошие детальки? –

– Обязательно. Хорошие люди, что между злом и добром, добро выбирают и добрые дела творят – есть первые помощники Бога.

– старик перевернул платье и принялся за другой рукав.

Дашка отложила карандаш. – А те, которые совсем злые, ну которые хулиганистые, удержи не знают?

– Те насильно пытаются занять, то, что им приглянулось. Будь то место соседское или добро его. И ещё эти, которые удержи не знают, добрых очень не любят и обижают их – отец Тихон снова вздохнул.-

– А почему обижают? –

– Потому, что дьявол сам не любит, и не любит тех, кто любит. -

– Вот от этого всего войны и происходят, Дашенька, что у вас в классе, что на всем яичке. -

– А Великая Отечественная тоже из-за этого случилась? -

– Нет. Тогда одна злая деталька решила сама стать Великим Хранителем часов. Вот и подговорила многих деталек, которые рядом с ней были, что надо пойти по миру и всем

другим деталькам объяснить, что она – эта злая деталька, теперь будет часами управлять, и говорить, кому, где и как чего делать, и решать, какие детальки нужны, а какие из часов надо выбросить. Но в мире была ещё одна деталька, сильная и умная, которая знала, что у той злой детальки ума и сил не хватит быть Великим Хранителем часов и, что если злая деталька станет Великим Хранителем, часы сломаются насовсем. Но сама не стала той злой детальке этого доказывать. -

– А та злая и глупая деталька об этом не знала? -

– Знала.-

– А зачем же тогда войну затеяла? -

– Потому, многие детальки стали с ней соглашаться, а какие-то соглашались потому, что боялись связываться. И уверилась злая деталька, что и впрямь может стать Великим Хранителем часов и управлять ими. Даже стала чуть-чуть сомневаться, в том, что настоящий Великий Хранитель часов существует на самом деле. Вернее сказать стала, надеяться, что ЕГО не существует. Пока не пошла войной в ту часть часов, где главной была умная и сильная деталька. -

– Много тогда миллионов деталек сломалось насовсем.

Еле выжили часы.

– Это как мои: пробабушка с прадедушкой? -

– Да. И много других вместе с ними. -

– А если бы тогда армия злых деталек победила армию добрых? -

– Не победила бы. Потому, что сам Великий Хранитель

был за добрые детальки потому, что знал, что злые, часы совсем разломают. -

– А почему же Великий Хранитель часов допустил тогда эту войну? -

– Потому, что Великий Хранитель не может предотвратить того, что ещё не произошло. –

– Как? Он же всё может. –

– Может. Но он сам разрешил деталькам выбирать между добром и злом и не может нарушить собственный закон. Потому, что справедлив. А справедливость – есть равенство всех перед законом. Вот это и есть тот самый камень, который всемогущий Великий Хранитель может создать, но не может поднять. -

– Он до последней секунды надеется, что деталька, задумавшая плохое передумает и добровольно откажется от злого намерения. Так и ждёт до последней секунды, подсказывая всячески злодею: отступись, отступись. А потом уже всё... -

– Ага. Точно. Я вот когда двойку получу, тоже думаю – спросит меня бабушка, чего я сегодня получила, а я и думаю, дай обману и скажу, что ничего. И чем ближе к дому становится, кажется, что даже берёзки листочками шепчут: не обманывай бабушку, не обманывай. И везде, то там, то сям, и по радио, и в книжках, и люди кругом, все кажется только про правду и говорят. А, где-то, что-то, кто-то всё одно подсказывает – обмани, так всем лучше будет и бабушка не рас-

строится и тебя не накажет. Как будто весь мир знает, что я бабушку обмануть хочу. -

- Они не знают. Потому-то люди не всегда ведают что творят. Это Великий Хранитель и мышка используют их, чтобы подсказать тебе какой выбор сделать. Вот когда подрастешь, будете в школе писателя Достоевского проходить, прочтёшь ту книгу, в которой есть такие слова: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», тогда всё и поймёшь.

- И получается, что я это чувствую? – удивилась девочка. Отец Тихон, сделал последний стежок, обрезал нитку и подошёл к столу. Положил платёшишко на стол и, нагнувшись, поцеловал Дашку в лобик. – Да. Ангельская душенька. –

- А все люди это чувствуют? -

- Все кроме тех, кто сам не хочет. -

- А почему не хотят? -

- Потому, что им так жить легче. Знай, обманывай бабушку на здоровье. Никто ничего не подсказывает. Душу не тревожит. Им легче поверить в то, что Великого Хранителя часов не существует, чем признаться себе в том, что ОН есть. -

- У-у. Им, наверное, и вправду, легко на свете живётся? -

- Не знаю. -

- Это, наверное, их, таких, бабушка бесстыдниками называет? -

- Можно и так. -

- А если бесстыдник вдруг поймёт, что он бесстыдник? -

– Ему станет страшно и больно. -

– Сильно больно? -

– Как будто, у души зубки болят. -

– Ой. Может тогда ему лучше и не узнавать? -

– Может и лучше. -

– А таблеток от такой боли нет? -

– Есть. Две. Можно перетерпеть эту боль, отказавшись от плохих поступков и помыслов. Но это очень тяжело, потому, что требует времени и терпения. Тут как раз добрая работа, как хорошее лекарство. С ней легче выздоравливать бесстыднику будет. Но зато рано или поздно выздоровеет окончательно. А можно продолжать бесстыдничать. Но только придётся это делать постоянно. Плохие дела, они как таблетка от головной боли. Боль только заглушают. Выпил – какое-то время не болит. Потом опять заболела – ещё одна таблетка нужна. И так всё время.-

–У-у. – Дашка покачала головой.

– Деда? А если ещё раз все передерутся, сильнее, чем в прошлую войну и сломаются часы насовсем, Бог новые делает? -

– Сделает. Построит большой золотой город на небе и поселит, там всех-всех хороших людей, которые когда-либо жили на земле. И больше там никто никогда драться не будет. –

– Всех-всех? Даже которые уже умерли?

– Да. -

– У-у. Всё равно, драться это очень плохо. -

– Очень плохо, Дашенька. –

– Это Светка меня в школе сиротой обзывает. А я совсем не сирота. Мне вот на своем месте очень хорошо и соседние детальки очень даже нравятся. -

– Это потому, что ты очень хорошая и маленькая. Вот потому и говорил сын Великого Хранителя часов взрослым людям – Будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Божие. -

– А люди его послушали? -

– Нет. Убили. -

– Ой! А за что? –

В это время, часы «бомкнули» один раз. Отец Тихон посмотрел на часы.

– А это уж я тебе в другой раз расскажу. Тебе уже давно дома пора быть. А то бабушка твоя и мне хорошенько всыплет – и Тихон впервые за всё это время улыбнулся. В тот момент, Дашке, показалось, что был он вовсе и не старик совсем.

– Да, деда, твоя, правда. Пойду скóренько. –

Дашка соскочила с лавки. Переоделась и они вышли на улицу. Отец Тихон проводил её тогда до дороги, и Дашка хорошо помнила, что всякий раз, когда она оборачивалась, чтобы помахать ему рукой, видела высокий силуэт в чёрном на фоне церкви, до тех пор, пока не отошла на столько далеко, что уже не могла видеть ничего кроме жёлтой ленты дороги.

Дашка в сотый раз за эту ночь перевернулась на другой бок. Никак не могла уснуть. После того раза, она стала постоянно заходить к отцу Тихону, подкрепиться по дороге из школы молочком с баранками. И со временем, так же как и Пират, он стал её лучшим другом. И сейчас, она очень жалела, что так и не зашёл разговор про сына Великого Хранителя часов. Дашка улыбнулась, вспомнив то время, когда отец Тихон казался ей стариком. Потому, что тогда, всякий мужчина с бородой, казался её стариком. Теперь она, конечно, знала, что это не так. Сейчас отцу Тихону было никак не больше сорока. Дашка твёрдо решила, что в эти выходные, как приедут в деревню, обязательно зайдёт к нему в гости, и выяснит, за что же Ницше так невзлюбил Спасителя. Это решение успокоило Дашку. Она сложила ладошки под щеёчкой и наконец, безмятежно заснула.

Конец первой части

II

Вот и все. До свиданья, родная земля,

Я продолжу еще эту повесть.

Три вокзала твоих навсегда для меня

Веры свет и надежда с любовью

А. Розенбаум.

А крышка, тем временем, проплыв под гирляндами Крымского моста, у могучего Петра взяв левее, сделала равнение на Кремлёвские звезды и, миновав мосты – Большой Москворецкий и Устьинский, поприветствовала у Котельнической высотки присоединившуюся к ней Язузу, после чего, нырнув под Большой Краснохолмский, и с поклоном оставив слева Новоспасский монастырь, а потом и Южный порт вместе с Нагатинской поймой, покачавшись на прощание на волнах перед Коломенским, отсалютовав Борисовскими прудами, взглянула снизу вверх на МКАД и, покинув гостеприимную столицу, встретила рассвет нового дня, где-то по пути к Оке.

Иван Сергеевич Нежин, как обычно, проследовал через приёмную, сверкающую идеальной чистотой, в свой кабинет на 88-м этаже, ровно в 9:00.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич – встала секретарша из-за стола, увидев его входящего в приёмную.

– Доброе утро, Наденька. – Садитесь дети – хотел было добавить Иван по старой привычке, но вовремя сдержался.

– Чай. Как обычно – сказал вместо этого и закрыл за собой дверь в кабинет.

Дойдя до стола, бросил на пол портфель и подошёл к стеклянной стене. Разглядывая город, подёрнутый лёгкой, прозрачной струящейся дымкой прохладного сентябрьского утра, с грустью поймал себя на мысли, что с такой высоты, через тонированное стекло, невозможно разглядеть всю красоту, этой дивно—сказочной поры, так, как это было возможно, лет двадцать тому назад из открытого окна кабинета литературы, на третьем этаже самой обыкновенной московской школы.

– Ладно. Лирика всё это – одёрнул себя Иван.

Как раз зазвонил телефон.

– Иван Сергеевич. Господин Ноузэл. –

– Мать честная – взглянул Иван на часы, сходу пытаюсь сообразить, сколько сейчас в Нью-Йорке.

– Соединяйте, Наденька, соединяйте – выдохнул Иван.

– Мистер Нэжин. Доброе утро – услышался в трубке голос с характерным акцентом.

– Доброй ночи господин Ноузэл –

– Как ваши дела? Вам есть, что меня порадовать? –

– Да, конечно, господин Ноузэл, если бы вам было не трудно, чуть конкретизировать вопрос. –

– Я удивлён мистер Нэжин. Мне казалось, что этот вопрос не нуждаться конкретизировать. Как судьба победителя нашей рекламной акции? -

Иван закатил глаза и ударил себя ладонью по лбу.

– Да, господин Ноузэл, конечно. Его судьбе теперь могут

позавидовать миллионы граждан нашей страны. Он – в порядке. То есть – ОК! Осталось дожидаться окончания рекламной кампании и собственно... -

– Вы уже установили с ним связь, Мистер Нэжин?

– Да. Конечно. Всё под контролем, господин Ноузэл. Не беспокойтесь. –

– И как скоро мы сможем увидеть в прессе и на тиви, лицо счастливого, который скажет на весь мир, что «Спранта» самая лучшая и честная компания. И что она сделала его, простого человека, богачом? –

– Я позвоню вам завтра, в первой половине дня, господин Ноузэл, и сообщу предварительные сроки – бодро ответил Иван, подумав про себя, – это простые люди, хлебая твой «керосин», сделали тебя богачом. Ну и меня заодно. -

– Я очень рад, мистер Нэжин. Рад был слышать вас. Удачного дня. –

– Взаимно, господин Ноузэл. Спокойной ночи – спокойной ночи, наверное, было лишнее – подумал Иван, кладя трубку.

– Надя! – использовал крик Иван, как самое надёжное и универсальное средство коммуникации.

Надя ворвалась в кабинет. – Да. Иван Сергеевич –

– Девушка...эта...вчера...из парка Горького. -

– Новосёлова? – блеснула Надежда профессиональной памятью.

– Возможно! Срочно, Наденька, где хотите... -

– Одну минуту, Иван Сергеевич – Надя испарилась за дверью.

Иван откинулся в кресле и потёр ладонями виски – Что происходит? Бывший учитель русского и литературы откровенно врёт начальству, кричит на детей... тьфу, на подчинённых. Нет. Надо что-то делать. Срочно, «В деревню, к тете, в глушь, в Саратов». –

Снова зазвонил телефон. Иван снял трубку.

– Новосёлова, Иван Сергеевич – доложила Надежда.

– Как зовут? –

– Дарья. –

– Давайте –

– Здравствуйте, Даша. Как там наши дела с бутылкой? –

– Отлично! –

– Телефон есть? –

– Записываю – прижав плечом трубку к уху, Иван постукал ладонями по столу, ища бумажку и ручку. Найдя, придвинул к себе беленький квадратик и схватил из прибора карандаш. Изогнувшись, снова поймал себя на мысли, что совершенно отвык от подобных простейших операций, и что уже «сто лет» не писал «от руки». Кое-как выведя цифры на бумаге, снова взял трубку в руку.

– Спасибо, Даша. Партия вас не забудет. Далее действуйте по текущему распорядку рабочего дня! – Это – я, пожалуй загнул – подумал Иван, кладя трубку и разглядывая сделанную запись.

Хотел было снова привлечь Надежду, но понял, что рациональнее будет позвонить самому. Аппарат абонента оказался недоступен.

Позвонил с мобильного, чтобы получить смс-ку, когда абонент окажется в сети и откинулся в кресле. Из-за дверного косяка показалась голова секретарши. – Чайку, Иван Сергеевич? –

Иван махнул рукой – Заноси! –

3

На 88-м этаже к десяти утра, началось оживлённое движение по коридорам, отделам и кабинетам. Клерки всех мастей и расцветок, казалось бы, хаотично сходились, сталкивались и разбегались, обмениваясь документами, словами и рукопожатиями, заполняя собой всё предоставленное им офисное пространство, но на самом деле, в этом движении, был свой строгий порядок, подчиняющийся законам, невидимым и непонятным постороннему наблюдателю. Работа закипела.

Через какое-то время, в кабинет проследовала высокая молодая женщина с красной папкой в руках, из разряда тех, коих принято называть «роскошными». Удостоив секретаря кивком, без стука вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Секретарь никак не отреагировала на это «дефиле», видимо подобное было в порядке вещей и далеко не в первый раз.

Навстречу женщине из-за стола, поднялся мужчина, по

выражению лица и по виду костюма с ботинками подстать своей посетительнице. Они встретились в середине кабинета и женщина, обняв мужчину, поцеловала его в губы.

– И что мы делаем в эти выходные? – промурлыкала она мужчине на ухо.

– Боюсь, что ничего – ответил мужчина сдержанно, так, как будто бы эта встреча была для него не совсем кстати.

– Что-то случилось, дорогой? – продолжая тереться об него кошкой, спросила женщина.

– Жена передумал уезжать на выходные – как будто расстроено ответил мужчина.

– Ну, хорошо. Тогда, значит, мы куда-нибудь уедем на выходные – продолжала настаивать женщина.

– Видишь ли, не всё так просто... -

– Да? И давно ли это всё, стало не так просто? – женщина бросила папку на край стола.

Мужчина терпеливо вздохнул – Есть некоторые обстоятельства... -

– Непреодолимой силы. Я правильно поняла? -

– Давай не будем сориться с утра – попытался сбить накал страстей мужчина – В обед я смогу тебе сказать, что-то определённое.

– Хорошо. В обед на 86-ом? –

– Да. Да. – рассеянно подтвердил мужчина.

Женщина развернулась и вышла из кабинета.

В кабинете раздался телефонный звонок. Мужчина взял

со стола айфон.

– Да. У себя. Жду. –

Из только что припарковавшегося внизу «Х5» вылез мужчина в кожаной куртке и быстрым шагом зашёл в здание. Приложив пропуск к турникету, прошёл к лифтам. Уже где-то, через минуту, он вошёл в кабинет и без приглашения сел в кресло напротив стола, за которым сидел хозяин кабинета.

– И? –

– Пацан ушёл! –

– Я так и знал – обладатель дорогого костюма, соединил кончики пальцев рук. – По телефону отследить? –

«Кожаный» выложил смартфон Егора на стол.

– Молодцы – сдержанно похвалил мужчина, взял смартфон и начал нервно вертеть его в руках. – Надеюсь, выключить догадался? –

– За кого ты меня принимаешь?... –

– За дебила я тебя принимаю! – взорвался, наконец, мужчина.

– Да, ладно тебе, ладно... Гордей его «пасёт» у подъезда. Рано или поздно... -

– Рано, поздно. Пойдём в буфет. Там удобнее – мужчина бросил смартфон на стол и оба вышли из кабинета.

Через несколько минут, в приёмной появилась «роскошная» женщина.

– Он, только что вышел... – поднялась, было, секретарша.

– Я папку оставила – женщина вошла в кабинет.

Через несколько секунд вышла с красной папкой в руках, и «прибив» секретаря взглядом застучала каблуками по коридору.

Секретарша мотнула головой – Ссука! -

– Ну, всё тогда. Ждём новостей от Гордея. И я прошу тебя... -

– Никуда он не денется – пообещал мужчине «кожан», поднимаясь из-за стола собираясь уходить, но хлопнув себя по внутреннему карману, остановился – Блин. Смартфон на столе остался. –

– Дебил! – беззвучно прошевелил губами мужчина.

Они вернулись в кабинет, после чего из него вышел мужчина в кожаной куртке один, и проследовал к лифтам.

4

Утреннее солнце роняло свои холодные лучи, освещая паутину проспектов, улиц и переулков, геометрию площадей, вокзалов и зданий. Машины и жители большого города, как игрушечные сновали в этой огромной трёхмерной модели, будто созданной рукой гигантского архитектора. В небе, разгоняя облака, кружили голуби, опьяневшие от своей безграничной свободы, удивлённо рассматривая внизу стройные очереди автомобилей, которые кряхтя, переругиваясь между собой гудками, медленно тянулись в центр, зажатые со всех сторон, однородной тягучей людской массой, ползущую по

тротуарам и дорожкам, поднимающуюся и спускающуюся в метро, как огромная неуклюжая гусеница. Весь этот огромный муравейник, свистел, шипел, звенел и переливался всеми цветами радуги.

Жёлтый осенний лист, утомлённый созерцанием этой картины, выбрал для отдыха неприметный серый тент прогулочной лодки, на берегу тихого пруда, и, покружив над ним, поддразниваемый озорным ветерком, мягко опустился на его поверхность.

Егор открыл глаза, потянул тент и снова зажмурился. Тишина, нарушаемая плеском воды, окружала пруд. Да ещё, откуда-то издалека, доносилась бодрая музыка и детский гомон. Егор высунул голову и посмотрел по сторонам. Рядом, по дорожке прогуливалась молодая мамаша с коляской. Увидев взъерошенную голову, показавшуюся из лодки, выпрямилась и ускорила шаг. Егор вылез, подошёл к воде и сев на корточки умылся. Посмотрел на своё отражение, плюнул, встал и пошёл к набережной. Поиски дырки в стене набережной решил начать безотлагательно.

Стена начиналась левее метрах в двухстах перед Пушкинским мостом и шла вдоль всего парка до Крымского, периодически прерываясь причалами и широкими участками ступенек спускающихся к воде. В общей сложности, «чистой» стены было не так уж и много, но и не так уж мало. Безрезультатно прослонявшись вдоль набережной два раза туда и обратно в течении трёх часов, и обнаружив в ней четыре «но-

ры», в районе которых, перегибаясь до пояса через парапет, провёл поиски с особой тщательностью. Егор снова вернулся к пруду и сел обдумывать своё дальнейшее существование.

Покувыркая в голове все самые заковыристые «про» и «контра», понял, что победил банальный голод.

– В конце концов, задача минимум – это прорваться в подъезд и попасть домой, а там уж и стены, как говорится, помогут – решил Егор – Ну, и поем, конечно. –

Дойдя до своего дома, Егор, пристроился к углу, справить малую нужду. Он решил, что так будет выглядеть менее подозрительным в глазах соседей и прохожих, нежели, как дурак, будет, пялиться, средь бела дня из-за угла дома. Попутно оглядывая двор, убедился, что «Х5-го» нигде не было, отчего уже становилось легче.

Прохожие, как назло, начали толпами, шариться взад-вперёд, как будто, специально сидели и ждали этого момента. Перед тем, как застегнуть ширинку Егор ещё раз окинул взглядом двор. На баскетбольной площадке пацаны, с криками гоняли мяч. Рядом, на детской площадке гуляли родители с детьми, да небольшими кучками, громко споря и размахивая руками, школяры возвращались с уроков. И вообще погода стояла чудная. Ласково светило солнышко, лёгкий ветерок гонял по асфальту «охараску»², и Егор, даже забыл на мгновение, о возможной опасности, когда из этого благодатного состояния его вывел окрик – Егор! Ты опять на-

---

² Hojarasca (исп.) – сухая листва

жрался? –

Он резко повернулся и увидел Ирку-истеричку, с укоризненной глядящую на него.

– Привет, Ир! – вскинул Егор вверх руку, застегнул ширинку и, как ни в чём не бывало, бодрым шагом пошёл в сторону своего подъезда.

В это время, мужчина в сером плаще, что отдыхал на скамейке детской площадки в окружении родителей с детьми достал из кармана мобильный телефон.

Войдя в квартиру, Егор запер дверь на все замки, разулся, прошёл в свою комнату и повалился на кровать.

– Как же хорошо – произнёс вслух.

Повалявшись, минут пять, пошёл на кухню и залез в холодильник. Наевшись до-отвала, немного передохнул и позвонил с городского Мишке.

– Привет, Мишаня –

– Я где? Дома –

– Мать звонила? –

– Ну, сказал бы, что забухал –

В нынешнем своём положении, Егор, готов был принять на себя грехи всего мира, настолько всё казалось ему сейчас мелким и незначительным.

– Где, где? –

– Ладно, Мишань, давай, дуй срочно ко мне. Всё расскажу. –

Егор положил трубку и сел на табуретку в коридоре. Раз-

мышляя о том, о чём, не заметил, как прошло двадцать минут, когда неожиданно, раздался звонок в дверь. Егор поднялся и поглядел в глазок. Увидел соседку бабу Маню и открыл дверь.

– Егорушка, милый – запрочитала бабулька с порога – помоги –

– Что у тебя-то случилось баба Мань? – обречённо вздохнул Егор.

– Да, вот подруга, моя захворала, попросила в аптеку сходить, лекарства её купить всякие. Я в аптеку-то ходила, да вот еле до дому обратно дошла. Ноги разболелись, спасу нет. А тут слышу, дверь хлопнула, думаю, Романовы кто пришёл. Сходи милочка, отнеси, ей шибко нужно. Вот, прям напротив дом, через двор. Спаси стариков, Егорушка – заумоляла старушка.

– Схожу, схожу, давай свои лекарства. Ты только тогда здесь постой, а то ко мне друг прийти должен, скажи ему тогда, чтобы подождал, не уходил. -

– Скажу, Егорушка, скажу. Ступай с богом, милый. Ступай. 75-я квартира, на втором этаже. Тут близко, Егорушка. –

Егор нацепил кроссовки, накинул жилетку, вышел из квартиры и закрыл дверь.

– Эх, баба Маня, – подумал Егор, осторожно выходя их подъезда.

–Ну да ладно, тут сто метров туда, сто обратно. Не велика

буря. –

Проходя мимо детской площадки, обратил внимание, что она опустела, но не придал этому никакого значения.

Уже через пару минут возвращаясь назад, застыл на полпути, как вкопанный.

– Твою мать! –

От подъезда, навстречу ему, широко улыбаясь и расставив руки, как будто шёл обняться с любимым другом, двигался «кожаный». Егор не успел даже дёрнуться, когда почувствовал болезненный тычок в спину, чем-то твёрдым и голос не менее твёрдо произнёсший. – Спокойно, Егор. –

С этого момента, всё вокруг Егора стало происходить, как в замедленном кино. Он увидел и Х5 припаркованный в торце здания, и почему-то обратил внимание, на то, что контингент футболистов на баскетбольной площадке сменился на более возрастной. Он вдруг отчётливо понял, что по-хорошему, должен был сейчас отрабатывать в обороне, рядом с Серёгой, который явно прозевав стремительный фланговый прорыв, оставил вратаря один на один с нападающим, чем тот не преминул воспользоваться, в касание, замкнув выверенную прострельную передачу. Однако, уже через несколько секунд, взглядом опытного дворового футболиста, понял, что стремительно развивающаяся ответная атака от своих ворот, увенчается успехом. И эта, атака, действительно была проведена по всем канонам футбольного искусства.

Почему-то, Егор не удивился тому, что находясь, практи-

чески на линии жизни и смерти, единственное, что интересовало его, это – результат этой атаки. Наверное, так устроено человеческое сознание, что в критических ситуациях, автоматически переключается на созерцание посторонних вещей, пытаюсь, таким образом, хоть как-то отвлечь человека перед наступлением неизбежного.

Длинная проникающая диагональ нашла адресат в середине площадки, оставив не удел половину команды соперника, после чего, филигранно исполнив с партнёром, классическое спартаковское «забегание», нападающий, добежав почти до конца поля, передачей назад, в аккурат по центру ворот в район мнимой одиннадцатиметровой отметки, как на блюдечке выложил мяч под «второй темп». Серёга, подключившийся из глубины, и видимо вложив в удар всю боль, накопившуюся от ночных забегов за мороженым, выстрелил как из пушки, но мяч, в самый последний момент, предательски «сошёл с ноги» и пронзительно свистя, как «сквозная» электричка, устремился в Егора, который даже успел прочитать на спортивном снаряде наименование производителя.

В этот момент, всё это «кино» из «замедленного режима», миновав режим «нормального просмотра», сразу перескочило в режим «ускоренной перемотки вперёд».

Егор, едва успел отклонить голову, как услышал сзади, на уровне затылка, оглушительнейший хлопок. Что-то тяжёлое, в сером плаще, рухнуло ему под ноги. Егор рванул с места

наперерез «кожаному» в направлении Ленинского.

Выбежав на тротуар, перешёл на быстрый шаг, и, лавируя между людьми, добрался до подземного перехода и нырнул под проспект. Выскочив с той стороны, успел заметить, как «кожаный» и человек «в сером плаще», видимо пришедший в себя после непосредственного участия в финальной стадии завершения атаки, скрылись в переходе с противоположной стороны. Егор, не сбавляя темпа, двинулся в направлении центра, и уже через несколько минут замешался в толпе у входа Октябрьской. По дороге к турникету, на автомате, вынул «студенческий» проездной из кармана жилетки и, приложив к турникету, прошёл к эскалатору. Сбежал вниз, но как назло, не было поезда, ни с той, ни с другой стороны. Спрятался за колонну и стал смотреть в сторону эскалатора. Увидев своих преследователей, рванул на переход. Оказавшись на оранжевой ветке, увидел, что как раз подходит поезд. Дождался когда откроются двери и юркнул в вагон. Народу было немного, поэтому, Егор мог просматривать соседние вагоны. Вроде бы никаких подозрительных движений не заметил и плюхнулся на сидение.

Сердце бешено колотилось, в голове опять разгуделось, и Егор уже в который раз за последние дни, решил всё основательно обмозговать. А обмозговывать, как всегда, особо было нечего.

– Хорошо хоть, баба Маня меня видела, и с Мишкой удалось поговорить – размышлял Егор. – По крайней мере, мать

с отцом будут знать, что со мной всё в порядке, а Мишка чего-нибудь им наплетёт. -

Так, размышляя сам с собой, не заметил, как миновал Проспект Мира, но после Рижской, «шестым чувством», уловил какое-то движение в соседнем вагоне. Повернул голову. Они.

Пройдя к последней двери, остановился, собираясь с силами к очередному забегу.

Двери открылись, и Егор вылетел в середину зала, увидел выход и понял, что повезло. Побежал на эскалатор, оставляя за спиной своих преследователей. Выбежал на улицу и почесал в сторону от Проспекта Мира. Пробежав через дворы, выскочил на дорогу. Бежал бездумно, прямо, лишь бы бежать. Оглядываясь, видел два силуэта, уже метрах в ста позади, расстояние до которых, медленно, но верно увеличивалось.

– Уйду! – подумал Егор, когда неожиданно выбежал на какой-то оживлённый полустанок. Вокруг почтовых вагонов, стоявших на путях, царило оживление. Подъезжали и отъезжали машины, в которые грузчики закидывали из вагонов и обратно, коробки, мешки, тюки и прочий товар.

– Ну как же так? – сплюнул Егор.

Но увидел, что по соседнему пути медленно набирая скорость, движется «товарняк». Егор перепрыгнул через рельсы и побежал вдоль уходящего состава, пытаясь ухватиться за, что-нибудь. Безуспешно. Оглянулся, и увидел, в хвосте

несколько вагонов – платформ с песком. Бежал, пропуская вагоны, ожидая появления «кожана» с подельником. Но всё срослось. Когда поравнялся с последним вагоном, дотянулся до края борта, с ходу подпрыгнул, подтянулся и перевалялся внутрь. Поезд уже набрал приличную скорость. Егор поднялся, чувствуя, как ветер развеивает волосы, и посмотрел назад. В это самое время, на пути выбежали двое мужчин, растерянно провожая взглядом уходящий состав. Егор помахал им рукой, и, развернувшись, упал животом на влажный мягкий песок, широко раскинув руки.

5

Смс-ка, оповестившая, о появлении абонента в сети, пришла ещё до обеда. Тогда Иван, перезвонил, но абонент снова был «вне зоны действия».

– В метро, чтоль, катается? – подумал тогда Иван, и решил подождать ещё. Прошло время обеда, а повторной смски так и не было. К трём часам, Иван, поймал себя на мысли, что вся эта ситуация занозой засела в мозгу. Если бы кто-нибудь обратился в центр выдачи призов за главной наградой, он бы уже знал. В четыре посмотрел на часы, прикинув, что в Нью-Йорке уже утро и понял, что что-то надо делать. Сделав контрольный звонок, положил мобильник на стол и нажал кнопку стационарного аппарата.

– Наденька, с начальником службы безопасности, пожа-

луйста. –

– Соединяю, Иван Сергеевич. –

– Да, Иваныч, привет. –

– Как ты? –

– Ты давно на рыбалке не был? –

– Слишком издалека? – усмехнулся Иван – Всё-то, ты Иваныч знаешь. Хорошо, сразу к делу, но про рыбалку ещё обсудим.

– Тут у меня телефончик один есть... Не в службу, а в дружбу... –

– Нет. Не в сети. –

– Зайдёшь? –

– Спасибо. Давай. Жду. –

– Надя. Два чая, пожалуйста. Один с лимоном. –

Через несколько минут, на пороге «кабинета на 88-м этаже», появился невысокого роста «пузан» в расстегнутом пиджаке костюма, с добродушным лицом, и с лысиной на макушке.

Мужчины хлопнули по рукам, и толстяк уселся в кресло.

– Ну, что друг-Ваня, скучно тебе в пятницу вечером на работе стало? Решил в детектива поиграть? –

– Да какие игры, друг-Коля? – Иван по столу придвинул другу белый бумажный квадратик. Николай Иванович посмотрел на цифры телефонного номера, написанные на листочке.

– Натворил чего? –

– Наоборот. Премию получать не хочет. –

– Давай я за него получу – отхлёбывая чай, сострил приятель.

– Да я бы сам получил, но приказ на премию у него. -

– Понятно. Тут смотри, какая история. Если бы телефончик в сети был, я бы к тебе сюда уже вместе с ним зашёл –

– С кем? С телефончиком? –

– И с телефончиком и с ударником твоим. А так, Ваня, только через «центр». Звони брат в Нью-Йорк. –

– Неужели, так всё сложно? –

– Ну, у кого есть соответствующее оборудование, специалисты, и самое главное, законное право, не так, чтоб уж очень. –

– Не понял –

– «Палить» выключенные мобилы, Ваня, можно только в случае угрозы национальной и государственной безопасности. Поэтому оборудование, спецы, и законное право на это, есть у ФБР, ФСБ, ну и так далее. Конечно, если, в одной из этих «контор», а может даже во всех, есть хорошие знакомые, и они согласятся помочь, можно воспользоваться их услугами, но это, Ваня, очень дорого стоит. -

– На сколько, дорого, Коля? –

– О-О-О О-О-Очень дорого, Ваня. –

– Слушай. А чего там дорогое? – оборудование, работа или разрешение на работу? – заинтересовался Иван.

– А всё по отдельности очень дорогое, а вместе в три ра-

за дороже. Так, что ещё надо посчитать, стоит ли овчина выделки. –

– Интересно. А почему с включёнными мобилами все так просто? –

– А потому, что в договоре использования услуг мобильной связи это прописано. Ты услугу «ребёнок в школе» знаешь? Двенадцать рублей всё удовольствие. –

– Нет. Не знаю. –

– Детей тебе, Ваня, заводить надо, а не премии раздавать. Сорок пять ведь скоро. –

– Спасибо, друг-Коля, что напомнил – улыбнулся Иван. – И чего же, с телефоном вообще нигде спрятаться нельзя? –

– Ну, если батарею вынуть, ... но это только в самых древних трубках. А в нынешних, во всех внутренних источник питания есть, а в некоторых даже два, для так называемого «полицейского режима», чтобы будильник, например, сработал, когда батарея разрядится, ну и всё-такое. Так, что все «фонят», Ваня. –

– Ну, а если сим-карту достать? –

– Без разницы. Каждый аппарат имеет свой IMEI. –

– А это ещё что? –

– Уникальный идентификационный номер, который «вшит» в память каждого телефона, и автоматически передаётся в сеть оператора связи при регистрации телефона в сети. –

– Да. Дела – рассеянно проговорил Иван, предчувствуя,

что придётся звонить в «центр».

– Ты по поводу сорока пяти? – допивая чай, снова попытался развеселить своего друга, Николай.

– А кстати. Скоро уже. Может, как раз совместим с рыбалкой? – предложил неожиданно Иван.

– Вот теперь узнаю друга-Ваню – улыбнулся, Николай.

Друзья поднялись, и Иван проводил Николая в приёмную.

– Спасибо за чай, Надюша – поблагодарил девушку Николай.

– На здоровье, Николай Иванович – улыбнулась в ответ Надежда.

Этого добродушного «пузана», совсем внешне не похожего на начальника службы безопасности все очень любили. Но каждый сотрудник на 88-м этаже и за его пределами, знал – что если, что, то не дай бог.

Иван вернулся в кабинет. Время было уже пять.

– Подожду до шести. А смысл? – Начал Иван мысленный диалог с самим собой.

– Лучше позвонить Ноузэлу самому, и всё объяснить, чем дожидаться того, что он начнёт подозревать, что что-то не так и позвонит сам. –

– Резонно. Но, неизвестно, какое из этих двух зол, злее с точки зрения господина Ноузэла. –

– Возможно, что даже одинаково. –

– В конце концов, раз участник зарегистрирован, есть его имя, фамилия, номер телефона. Можно узнать адрес. По-

ехать туда. –

– Ну, если это делать, то надо было делать это с самого утра. А сейчас в Нью-Йорке в разгаре рабочий день, и возможно, господин Ноузэл, решит перед обедом, ланчем, или как он там у них... позвонить тебе, Нежин, чтобы узнать, как там судьба... Тем более, ты обещал позвонить ему в первой половине дня, которая уже в Америке скоро подойдёт к концу.

– Так, что звони, Ваня, звони! –

Иван обречённо снял трубку – Наденька, с Ноузэлом, пожалуйста.-

– Секунду, Иван Сергеевич. –

Иван собрался.

– Соединяю.-

Иван вдохнул.

– Добрый день, господин Ноузэл. –

– Вы знаете, у нас возникли некоторые осложнения...-

– Ну да. У меня –

– Дело в том, что обладатель главного приза несколько... задерживается. -

– Нет, нет. Просто процесс несколько затягивается, но уверяю вас незначительно. -

– Пятница... Возможно на дачу поехал. – Иван понял, что понёс полную ахинею.

– Да. Конечно. Подключили все ресурсы. –

– Дача на Марсе? Нет, конечно. –

– Да. Есть. – Иван продиктовал номер мобильного телефона записанного на листочке.

– Да, да. Буду ждать. – Иван выдохнул и нажал кнопку.

– Надюша, вы бы не могли сегодня задержаться? –

– Спасибо. – «Вы теперь как ангел не сходите ж с алтаря»

вспомнились слова из песни.

Прошёл где-то час, полтора. 88-й этаж опустел. Коридоры и кабинеты потонули в абсолютной тишине. Было несколько неудобно перед Надеждой, но более неудобно было бы попросить Ноузэла перезвонить на мобильный.

Подошёл к окну. Глядя на город с огромной высоты, пытался определить, где находится университет, в котором учился и преподавал, пока не защитил кандидатскую. Где сейчас та, студентка-девчонка, в которую был тогда безнадежно влюблён, а может быть любил до сих пор, а она, конечно, была влюблена в другого. Тогда, старался выбросить из головы все эти глупости. Делал карьеру, и ведь сделал. Но последнее время, всё чаще стало посещать горькое чувство разочарования, что всё вышло как-то не так, как мечталось, хотелось и представлялось. В голову опять пробрались строки из песни:

– «Мечтал, увидел, устремился

Спешил, ошибся, не достал

Разбился вздрембезги, добился

Привык, забыл и потерял». –

Из этих сентиментальных размышлений, в суровую ре-

альность, возвратил, Ивана Сергеевича Нежина, телефонный звонок.

6

Крепкий седой старик, лицо которого объединило в себе, черты, сразу всех персонажей, изображённых на американских банкнотах всевозможного достоинства, откинувшись в кресле, поднял трубку и произнёс:

– Connect me with mister Nezyn from Moscow. –

– One moment please. –

Прошло несколько секунд, и старик заговорил снова.

– Мистер Нэжин, что у вас там происходит? –

– Как вы можете что-то контролировать, если не знаете, что происходит у вас под носом. Кажется, так говорят русские? –

– Да, я хорошо владею этим языком, спасибо. Но это сейчас не имеет никакого значения. –

– Как возможно, что человек, которого вы так старательно разыскиваете, сегодня находился в районе здания, в котором вы работаете... пока. А возможно и в нём самом? –

– Мистер, Нэжин. Через час, к вам вылетает, Алекс Ноуз-эл, совладелец компании и мой сын. Уточняя, если вы так же этого не знали или забыли. До его прибытия, не предпринимайте никаких действий, единственное, что от вас требуется, это встретить его в аэропорту. Это вы можете сделать? –

– С той самой минуты вы поступаете в его распоряжение. Всего хорошего, Мистер Нэжин. –

7

– Надюша, во сколько в Москву прибывает самолёт из Нью-Йорка, вылетающий в ближайшее время? Да. И куда? –

– Да. Подожду. – Иван тупо уставился в пустоту продолжая держать трубку в руке. Так и сидел несколько минут, пока не услышал в трубке голос секретаря.

– Спасибо, Надюша. Забронируете тогда на завтра, номер на имя Алекса Ноузэла, и можете идти домой. –

– Где? А где мы обычно размещаем гостей из «центра»? –

– Давайте там – согласился Иван.

– Нет. Нет. Спасибо. Больше ничего. Хотя... Вы не знаете, где проживает эта девушка?.. Даша. –

– Да. Новосёлова –

Прошла ещё минута в тишине.

– Да. Спасибо. До свидания, Надя. –

Иван откинулся в кресле и, соединив пальцы в замок, закинул руки за голову и посмотрел в потолок.

– Это залёт, Ваня. –

– Что бог не делает, Ваня, всё к лучшему. –

Иван резко встал, бросил мобильник в портфель и вышел из «кабинета на 88-м этаже».

– Как же так могло получиться? – ломал голову Иван по

дороге домой, сидя на заднем сидении автомобиля.

– Эта девушка... Даша, выходит из кабинета, и тут же где-то в башне продаёт кому-то бутылку, прекрасно зная, что бутылка не должна оказаться у того, кто хоть как-то связан со «Спрантой», или с её сотрудниками, с их друзьями и прочими. Ерунда какая-то. Не идиотка же она?

– Или она всё сделала, как договаривались, и произошло какое-то фатальное стечение обстоятельств. Кто-то кому-то передал бутылку, она пошла по рукам и оказалась у кого-то в башне. Нет – замотал головой Иван.

– В башне был именно тот человек, который приобрёл эту бутылку и зарегистрировал свой телефон...или не свой, или не тот человек, но с эти телефоном – окончательно запутался Иван.

– Однозначно, можно сказать – в здании был телефон. Непонятно, чей, и непонятно, как там оказавшийся. Выключенный, хотя на минуту его кто-то включал. Зачем и кто? –

– И вообще. Зачем я ломаю себе голову, если завтра сюда прилетает сам Алекс Ноузэл, собственной персоной и мне всего-навсего надо его встретить. Вот пусть он и ломает себе голову. Судя по всему, у него и средства помощней, и видимо, голова поумней. – На этом умозаключении Иван закончил расследование, видя, что как раз подъезжает к дому.

– Завтра в 6:25, нам надо быть в Шереметьево. Во сколько мне выходить? – обратился Иван к водителю, когда они въехали на подземную стоянку.

Водитель закатил глаза, прикидывая в уме – Завтра суббота? Дачники. В пять, Иван Сергеич. Лучше там подождать если что. –

– Хорошо, Женя. До завтра. –

– До завтра Иван Сергеич –

Иван прошёл к лифту, нажал кнопку, вошёл в открывшиеся двери, которые через несколько секунд также плавно закрылись и лифт унёс Ивана Сергеевича Нежина наверх.

8

«Х5» битый час торчал в пробке на Ярославском шоссе, на выезде из города. В нём уже было одним пассажиром больше, чем обычно.

– Ну, ты голова, Гордей! Как успел ему маячок в жилетку воткнуть – не понятно. Голова, кстати, не болит? – «кожан» ехидно ухмыльнулся, глядя на мужчину в сером плаще.

– У тебя скоро заболит, если мы пацана не возьмём – огрызнулся Гордей, потеряв лоб.

– Ладно, не сердчай. Выдался случай в футболеян с ребятами сгонять. Когда ещё такая возможность появится? – продолжал прикалывать напарника «кожаный». – Куда он теперь денется? –

– Не знаю, чего ты так веселишься? «Мульку», он рано или поздно обнаружит. И тем более, он на полном ходу уже к Ярославлю подъезжает, а мы здесь торчим, и ещё неизвест-

но, сколько проторчим – пессимистичноотреагировал, Гордей.

– Интересно, а чего он так и едет? Я бы, например, спрыгнул бы при первом удобном случае – задумчиво произнёс Руслан.

– Может у него «схрон» там где-то? Я бы на его месте, ещё в центре бы, гденибудь, из метро вышел, а он до Алексеевской пилил – поддержал его Гордей.

– Да бросьте вы. Пацан в штаны наложил, вот и всё. Ну, какой ему толк соваться в Москву, если он уже чётко понял, что мы его из под земли достанем – продолжал излучать оптимизм «кожан».

– Ну, из под земли-то допустим доставали тебя, когда ты, весьма услужливо пацану фонарик свой одолжил, а сам там в потьмах блуждал полчаса – «отомстил» за насмешки Гордей.

«Кожан» поморщился. – Интересно. Куда же он всё-таки тогда подевался? Реально, как сквозь землю провалился. И с мячом с этим... Как будто у них всё было договорено заранее. Может, это не мы его пасём? А нас кто-то? И сейчас нас тупо заманивают? –

– Ну, это ты уже параноишь. Что-то ты из крайности в крайности бросаешься? То пять минут назад веселился, теперь «на измену сел». Как, кто-то мог предположить, что я «маяк» воткну? И даже если мог, кто мог дать стопроцентную гарантию, что мы пацана не «возьмём». –

– Да. Действительно. Поспать просто надо. –

– Ну, вот и спи пока. Всё равно делать нечего. –

«Кожаный» закрыл глаза, но через минуту снова открыл.

– Слушай, Гордей, а какого хрена мы за ним бежали, если ты знал, что у него «маяк»? –

– Ты, блин, совсем «поплыл»?!. Если бы мы его взяли сразу, то уже бы Самсонову крышку отдали, получили бы свои бабки и сидели сейчас, где-нибудь в кабаке, а не здесь пыль глотали. –

– На стадионе бы ты сейчас сидел... –

– Вы замолчите когда-нибудь? – не выдержал Руслан. – Сколько можно трепаться?

После этого ехали в тишине. Точнее сказать, стояли. Обычно, пятничными вечерами, в сезон, дачники добирались до своих угодий, находящихся где-нибудь в Хотькове или в Сергиевом Посаде по три, четыре, а то и по пять часов.

9

А крышка к тому времени, благополучно додрейфовала до грузового порта Коломны и уткнулась в подножье горы щебня, что возвышалась на берегу Великой русской реки. Если бы крышечка могла знать, историю происхождения названия старинных русских городов – Коломна, Кашира и Калуга, она бы подивилась тому, что эти названия произошли от одного корня. Калуга – Ока Луговая, Кашира – Ока Широкая и Коломна – Ока Ломаная. Но крышечка, имея аме-

риканское происхождение, ничего этого не знала. Поэтому, вместе с тоннами щебня, была захвачена железными челюстями грейферного крана и погружена на баржу, которая отправилась в ещё один Великий русский город, который, почти восемьсот лет назад обосновался в самом сердце Восточно – Европейской равнины, на месте слиянии двух Великих Рек – Оки и Волги. Город, прославившийся своей ярмаркой, что издревле именуют Нижегородской, и своими автомобилями представительского класса, на которых ездили советские министры, а так же, любой подвыпивший работяга, у которого завалился под подкладкой разорванного кармана измятый рублишко или трояк. Хотя конечно, прославился он не только этим, а ещё много-много чем.

Конец второй части

III

*А на кресте не спекается кровь
И гвозди так и не смогли заржаветь
И как эпилог – всё та же любовь
А как пролог – всё та же смерть*

К. Кинчев

Будильник сработал ровно в четыре часа утра. Иван проснулся, встал с кровати и вышел на балкон. Было ещё темно, но уже было понятно, что за ночь, ветер пригнал, откуда-то с севера тяжёлые свинцовые облака, и всё небо заволокло мутной пеленой, и хотя настоящего дождя не было, воздух был пропитан колючей изморосью, настолько плотной, что сквозь неё, едва угадывались очертания соседних домов.

– И погода опять испортилась – посетовал Иван и поплёлся на кухню. Пока заваривался чай, Иван умылся, побрился, тщательно вычистил зубы, после чего разглядывая себя в зеркале, попытался улыбнуться отражению, но улыбка вышла какая-то скомканная, отчего лицо приняло выражение театральной трагикомической маски.

Ровно в пять, спустился на подземную стоянку, где его уже ждала машина. Иван сел в машину, поздоровался с водителем и они выехали из подземного гаража навстречу новому дню.

До Шереметьево доехали без приключений, то ли дачники, испугавшись ненастья, передумали ехать на свои фазенды, то ли, то, что люди едут в субботу за город с рассветом, оказалось мифом. Как бы там ни было, приехали «сильно заранее» и ещё полчаса сидели в машине на стоянке, болтая о том о сём.

В 6:30, Евгений взяв табличку встречающего, вышел из

машины и скрылся за дверями терминала прилёта. В тишине Иван начал вспоминать, что он знает об Алексе Ноузэле. Знал, что был он лет на пять моложе его, и, что Алекс, в молодости, отслужил срочную, в морской пехоте вооружённых сил США. Вот собственно и всё. Тем более удивился, когда через несколько минут увидел, выходящего из терминала своего водителя, не в сопровождении бравого пехотинца, коим представлял себе Иван, Ноузэла младшего, а рядом с человеком внешне напоминающего Джека Восьмёркина из фильма «Джек Восьмёркин – американец». Иван даже, как-то расстроился.

Он вышел из машины и протянул Алексу руку, когда они с водителем поравнялись с ним. Мужчина пожал руку в ответ, и Иван жестом пригласил его в салон. Иван отметил про себя, что одет он был «по-простому», что называется без «закидонов». Чёрные туфли не на шнурках, джинсы, свитер, куртка-пилот, на плече – рюкзак. Когда расселись, и машина тронулась, Алекс на хорошем русском предложил:

– Иван Сергеевич, я думаю, что мы справимся с этим делом, если только вы мне все подробно расскажете, во всех деталях, что произошло на самом деле, ничего не утаивая. ОК? -

– Разумеется – согласился Иван. – Позавчера утром, сразу, как от вас доставили бутылку с призовым кодом под крышкой, я вызвал к себе промоутера, и, объяснив подробно задачу, передал ей, бутылку из рук в руки. – Иван заметил,

что Алекс хотел, перебить его для того, чтобы, видимо, что-то уточнить, но не стал.

– Так вот – продолжил Иван. – В тот же день, эта самая девушка-промоутер, обслуживающая территорию парка Горького, с её слов, продала эту бутылку одному, случайно ею выбранному, посетителю парка, поставив его в известность, о том, что под крышкой находится код, благодаря которому, его владелец становится обладателем главного приза рекламной акции, в размере одного миллиона евро. В какой форме она донесла эту информацию, до покупателя, я, к сожалению, сказать не могу. Как участник акции он был зарегистрирован под именем – Романов Егор Александрович с указанием контактного номера телефона.

До конца дня, я ждал, что обладатель крышки объявится сам. Код, как вы, наверное, знаете, можно проверить на сайте, заполнив соответствующую форму. Но в тот день, никто не обратился в центр выдачи призов, не придя лично, не по телефону, никаким другим способом.

Утром следующего дня, сразу после телефонного разговора с вашим отцом, и до 17:00, я лично пробовал связаться с Егором по телефону, но безрезультатно, хотя в районе одиннадцати утра, абонент, на очень не продолжительный срок, где-то, не более минуты, появлялся в сети... – Алекс, несколько раз кивнул головой. – После чего, снова оказался «вне зоны действия», и с тех пор в сеть не выходил, иначе бы я получил соответствующее смс-уведомление.

Сразу, после последней, безуспешной попытки, позвонить до него, я связался по телефону с вашим отцом и поставил его в известность о том, что установить контакт, с правообладателем на получение главного приза акции, не представляется возможным. – Иван замолчал.

– Хорошо, Иван Сергеевич – вступил Алекс. – А насколько можно доверять этой девушке-промоутеру, и тому, что она говорит, как, кстати, её имя? –

– Дарья. Дарья Новосёлова – ответил Иван.

– И где она живёт? –

– По месту регистрации – в деревне Климцево, Галичского района Костромской области. Сейчас фактически проживает в Москве на Ясном проезде в квартире своей матери. –

– Так, на сколько?.. –

В том, то и дело, что не знаю на сколько. –

– То есть – это не ваш человек? –

– Да. У меня нет доверенных людей из числа персонала этого уровня. –

– Получается, вы рисковали? –

– Получается так. –

– И у вас были причины для этого? –

– Нельзя сказать, что я вынужден был поступить именно так. Но, тогда мне казалось, что это наиболее эффективный и безопасный способ выполнения поставленной задачи. –

– Безопасный? Существовала какая-то опасность, угрожающая успешному проведению данного мероприятия? –

– Опасность? Да. Была опасность потерять время. Я должен был сообщить мистеру Ноузэлу предварительные результаты выполнения задания, уже утром следующего дня, после того как получил бутылку. Передача материальных ценностей в соответствии с инструкцией, от генерального директора до промоутера, процесс довольно длительный, сопровождаемый подписанием соответствующих документов, как то: актов приёма и сдачи материальных ценностей и прочее. Материально-ответственные лица, на некоторых уровнях, не имеют заместителей по штатному расписанию, так что если, такого сотрудника не окажется на месте, будет, например, в отпуске, на больничном и тому подобное, то проблема будет даже не в том, что некому будет подписать документы, а в том, что процесс передачи остановится. -

– И у вас постоянно происходят такие задержки? – удивился Алекс.

– Нет. У таких материально-ответственных лиц существуют неофициальные заместители, которые на время отсутствия своего начальника, берут на себя добровольную ответственность, исполняя его обязанности, что называется «на честном слове», но в данном случае, думаю, вряд ли кто-нибудь из них отважился бы на это, учитывая высокую стоимость предмета передачи, и как следствие, такую же степень ответственности.

И ещё – Иван замялся, – мне, всё таки хотелось, чтобы, как можно меньше людей было посвящено в это дело. –

– Всё-таки, вы опасались чего-то ещё? Вы не доверяете, кому-то из своих подчинённых? Кому? –

– Я не могу безосновательно подозревать и обвинять кого-то. Это будет навет. –

– Навет? – Алекс поднял брови.

– Клевета – перевёл Иван значение этого слова с русского на русский. –

– Понимаю. Хорошо. Давайте назовём это недоверием на почве личной неприязни или интуицией, тем более, что дальше меня это не уйдёт – Алекс покосился на водителя.

Иван отрицательно помотал головой, давая понять, что не сомневается в своём водителе, с которым, бок обок, проработал вот уже пятнадцать лет.

– И кто этот человек, которого вы бы не хотели видеть в кругу посвящённых в это дело? –

– Руководитель департамента рекламных проектов – Самсонов – вздохнул Иван.

– Да. Я слышал про него, но ничего компрометирующего – ответил Алекс.

– «Царь далеко – Бог высоко» – подумал про себя Иван.

– Хорошо. В целом картина ясная – после недолгой паузы продолжил Алекс. – Тогда едем сразу в Переславль-Залесский. –

– В Переславль-Залесский? А как же гостиница? Я полагал... –

– Вся проблема случилась из-за того, что вы очень ста-

рались сэкономить время, а теперь вдруг решили разбрасываться им? – улыбнулся в ответ Алекс.

Иван произвольно улыбнулся. Ему начинал нравиться этот человек. Может быть потому, что от него исходила та спокойная уверенность, которую Иван не испытывал уже последние несколько лет.

– Боюсь, Женя, в ближайшие дни у нас будет много работы – обратился Иван к водителю.

– Ничего, Иван Сергеевич. Не в первый раз – обменялся тот взглядом со своим «шефом» через зеркало заднего вида.

Глядя в окно, Иван думал, что всё-таки, sluкавил, и не сказал всей правды Алексу.

– Фатальная ошибка, заключалась в том, что вчера утром, когда неожиданно Ноузэл старший позвонил сам, я растерялся. Надо было докладывать, хоть что-то, а ничего не было. Потому, что у меня, как у разгильдяя-первоклассника, вылетела вся эта «кухня» из башки. -

– Вместо этого я не придумал ничего лучше, чем банально наврать, что связь с этим, Егором, уже установлена, в надежде на то, что сразу после разговора с «центром», удастся связаться с ним и эта спасительная ложь трансформируется во всепобеждающую правду. Но не могло произойти того, что не может произойти никогда. И я об этом забыл. И так маленькая ложь, как снежный ком, намотала на себя кучу других «косяков» превратившись в огромный ком. -

– Хотя с другой стороны, скажи я тогда, что процесс свя-

зи идёт и всё такое, неизвестно, насколько бы растянулась вся эта резина, и возможно, чем дальше она бы тянулась, тем сложнее было бы, что-то сделать. Но в этом случае на мне не было бы конкретной вины, кроме той, что «типа» не могу наладить оперативную работу, но на то существуют «отмазки» «типа» человеческого фактора и обстоятельств. Вот и думай, что хорошо, что плохо? Что лучше, правда или ложь? -

– Да. Но тогда бы не разгорелся весь этот «пожар» и Алекс бы не прилетел в Россию, хотя ещё неизвестно, можно ли уже что-то сделать, но, по крайней мере, по «горячим» следам решить проблему, шансов явно должно быть больше. -

– А может, парень, «тупо» «забухал» и вся эта «каша», заваренная Ноузэлом старшим, не стоит выеденного яйца. -

– Алекс, конечно, сопоставив, всё то, что я ему сейчас рассказал, не мог не сообразить, что вчера утром я обманул его отца, но не заострил на этом внимание. Почему? Иван взглянул на него. -

Алекс, словно читая его мысли, положил ладонь Ивану на локоть.

– Не переживайте, Иван. Всякое тайное станет явным. Кажется, так написано в Библии? –

– Приблизительно – покивал головой Иван.

Чёрная «А6», заложив плавную долгую глиссаду по бетонной дуге эстакады, что выводила с Ленинградки на МКАД восточного направления, «встала на шасси» и поплыл в сторону Ярославского шоссе.

– Да-ша. Ко-тик. Вставай. – Анна нагнулась над спящей дочерью и выполнила свой традиционный ритуал, убив этим сразу двух зайцев – разбудила дочь и помолодела.

– Мамуля, темно же ещё – пробормотал котик и, перевернув подушку, снова засопел.

– Вставай, вставай, когда светло будет, можно будет уже никуда не ехать. –

Дашка вытянула руки вперёд, как будто схватила за невидимые поручни, и рывком села в кровати. Не открывая глаз и не опуская рук, свесила подбородок на грудь, продолжая спать.

Однако когда Анна вышла из ванной, Дашка уже сидела на кухне, в серых спортивных штанах, в футболке и пила чай.

Анна, поцеловала дочь в макушку, подставила чашку под кофеварку, и подошла к окну.

– Мам, чего там с погодой? –

– Сыро. Но дождя вроде нет. Туман – земли не видать. Посмотри. –

– Я уже посмотрела – соврала Дашка. – И как же мы поедем в такую погоду? –

– За свою жизнь, я, пять раз ездила в Климцево в ураган, три раза в наводнение, и один раз во время землетрясения. Так, что как-нибудь доедем. –

Отойдя от окна, взяла кружку с кофе и добавила. – Наверное, когда будет второе пришествие, оно застанет меня по дороге в деревню. –

– Ну, ты наговоришь сейчас – усмехнулась Дашка.

Покончив с завтраком, девушки начали собираться в дорогу. –

– В этот раз всё уместилось в две сумки – кивнула Анна на два огромных баула, стоящих у двери, выходя из комнаты в строгом бежевом костюме. – Одну тебе, одну мне. –

– Не базар, мамуля – согласилась Дашка, напяливая кроссовки.

Анна одёрнула юбку, заканчивающуюся, чуть выше колен.

Дашка с улыбкой посмотрела на мать. – Ну, на работу понятно, а в дорогу-то? Или у тебя жених в деревне завёлся? –

– Я, между прочим, всегда так езжу – ответила Анна, просовывая аккуратную лодыжку в туфлю на высоком каблуке, помогая себе обувной ложкой.

– Да? – засомневалась, Дашка. – Действительно. Как-то не обращала внимания. –

Анна приложила ладонь ко лбу дочери и улыбнулась.

– А! Забыла – воскликнула Дашка и на пятках посеменила в направлении туалета.

– Ладно, закроешь всё. Я пошла. – Анна двумя руками схватилась за ручки сумки и волоком потащила её за дверь.

Распахнув на улицу подъездную дверь ногой, держа в руке баул, Дашка увидела свою мать, стоящую боком на лестнице,

согнувшись «в три погибели», которая держась двумя руками за ручки, тянула сумку вниз со ступеньки на ступеньку. Поравнявшись с матерью, Дашка, свободной рукой подхватила вторую сумку и, не замедляя шага, подошла к багажнику машины. – Открывайте, мадам. –

Анна выпрямилась, и, оглядевшись кругом, победоносно отряхнула ладони.

Через минуту красный «Лексус» вырулил из двора. Подъезжая к проезжей части по центру дороги, остановился, пытаясь разехаться со встречным автомобилем, как назло, непонятно как, оказавшийся в этот ранний час на пустынной улице, за рулём которого, мордатый мужик, жестом приказал освободить его полосу. Анна, занервничав, и ругаясь про себя, попыталась отъехать назад.

Мужик увидел, как стекло пассажирского сидения плавно опустилось, и высокая блондинка в светло-сером спортивном костюме, и в бейсболке козырьком назад, спиной высунулась по пояс из окна, заложила пальцы в рот и троекратным молодецким посвистом взорвала рассветную тишину. Мужик, вытянув лицо, резко сдал назад и уехал совсем.

– Так бы сразу – воспряла духом Анна. – Накупят прав... –

Дашка устроилась на сидении досыпать, и дальше ехали без приключений.

«Лексус», скользя в тумане по блестящему влажному асфальту, пересёк МКАД, и когда за окном остались Мытищи, Дашка проснулась.

– Чего так мало поспала? – озаботилась Анна.

– Сон дурацкий приснился – нахмурилась, Дашка.

– Сны – это язык, на котором разговаривает с нами Гос-

подь. –

– Это откуда, мамуль? –

– Из «Алхимика» кажется. –

– Интересно? –

– Так... Поучительно. –

Дашка вздохнула – Вроде проясняется? –

Анна пожала плечами.

– Скатертью, скатертью, дальний путь стелется... – про-
пела Дарья.

– Дурацкая песня. –

– У тебя, мамуль, все песни дурацкие, или только те ко-
торые я пою? –

– Не обижайся – улыбнулась Анна дочери – Ну, что хо-
рошего в словах: «Если мы обидели кого-то зря, календарь
закроет этот лист. К новым приключениям спешим друзья.
Эй, прибавь-ка ходу машинист»? Обидели кого-то зря, ну и
ладно – очередное приключение. Давай машинист, к следу-
ющим – ещё кого-нибудь обидим. Время всё спишет. Очень
хорошая поучительная детская песенка.

– Ну, мамулечка, этак и Библию переиначить можно –

– Нет. Библию трудно. –

– Почему? –

– Она в основном короткими предложениями написана –

«И он давал им вино и хлеб. И они ели». Чего же тут переиначишь? –

– Ну-у... – задумалась Дашка. – Пьянствовали. Это не хорошо. –

– В те времена, вином называли виноградный сок. А алкогольный напиток, на основе забродившего виноградного сока, называли «плохим вином». –

– Мамулечка. Ты бываешь когда-нибудь не права? –

– С удовольствием бы, дочка. Возможности нет. Хороший редактор, должен спать с красным карандашом. –

– С помадой чтоль? – поддразнила мать, Дашка.

Анна улыбнулась и поправила Дашкин головной убор.

– Редактор относится к любому тексту по принципу – «не читал, но осуждаю». Ты не представляешь, сколько за свою жизнь, пришлось «перелопатить» экзерсисов, написанных к тому же, с орфографическими, синтаксическим, стилистическими и прочими ошибками. И каждый же себя гением считает, мастером изящной словесности. Попробуй, исправить чего-нибудь. Как один преподаватель у нас в «универе» говорил: «С союзом «и» распроститься не могут». А уж когда говорить начнут... – Анна махнула рукой.

– Да. Правильно говорить-то бы, неплохо научиться – согласилась Дашка.

– Чтобы научиться хорошо говорить, надо, сначала, научиться «хорошо» молчать. –

– Это, мамуля, пар-р-радокс – вывернула Дашка.

Анна покосилась на дочь, подняв подбородок вверх и опустив кончики губ, оценив лексику дочери, пополняющуюся новыми терминами.

– Да, да, мамуля. Твои лекции не проходят даром. –

– От чего же парадокс? Безграмотная устная речь это – неотредактированные мысли. Чтобы научиться редактировать их с ходу, первое время придётся их записывать. Уже когда начнёшь писать, то увидишь, сколько в них мусора, несогласованности, избыточных уточнений, хронологических несовпадений и ещё много-много чего ненужного. Всё то, что мы не замечаем в разговоре. Упражняясь, таким образом, ты начнёшь привыкать, изначально думать грамотно. Поэтому среди журналистов существует такая поговорка: Хорошо пишет тот, кто хорошо думает. А чтобы человеку хорошо думалось, его не должно ничего отвлекать. –

– Ну, вот тут ты, мамулечка, не права. Я когда дрова пилю или землю копаю, мне лучше всего думается. –

– Возражение принимается. С оговоркой, что в это время, ты не сможешь записывать свои мудрые мысли. –

– Зато я могу их запомнить, и потом записать и отредактировать. –

– Принято без оговорок! Но попробуй думать хорошо, в то время, когда ты с кем-нибудь разговариваешь. –

– Да. Пожалуй, не получится – согласилась Дашка.

– Поэтому – продолжила Анна. – Ничего не отвлекает так, как бестолковая болтовня. Отсюда следует, что для того что-

бы хорошо думать, надо поменьше болтать, то есть «хорошо» молчать и побольше читать.

Вот и получается: кто хорошо молчит, тот хорошо думает. Кто хорошо думает – хорошо пишет. А кто хорошо пишет, тот хорошо говорит. Вот, собственно с чего начали, к тому и пришли: чтобы хорошо говорить, надо уметь молчать. Никакого парадокса. –

– Да, мамуля. Как говорит наш директор: «Ни рубля, ни топора, рубль должен и всё правильно». –

Анна улыбнулась. – Этот анекдот, дочка, – софистика, «интеллектуальное мошенничество». –

– Получается говорить, – размыслила Дашка – это как в шахматы играть. Прежде чем, что-то сказать, надо подумать, чего ты хочешь этим добиться, и не съедят ли тебя после этого. –

– Отличное сравнение – улыбнулась Анна. – А кстати, знаешь, кто больше всех писал, до того, как появились мобильные телефоны, ну... кроме тех, конечно, кто вынужден был заниматься этим по роду службы? –

– Кто? –

– Деревенские жители. –

– И чего они писали? –

– Письма. Люди, живущие в городе, общались в основном по телефону или встречались, благо в городе это не проблема. А, когда я маленькая была, у нас ближайший телефон был в Пронине.

Вот все и писали письма. Родственникам, друзьям, знакомым, живущим в других городах, деревнях и сёлах. Поэтому, сейчас любого деревенского старика или бабу, приятнее слушать, чем продвинутого «масквича» увешанного мобильными телефонами и планшетами. –

Так, за разговорами проехали Пушкино, повороты на Радонеж и Сергиев-Посад.

– А ты чего сейчас читаешь? – спросила Дашка.

– Тень ветра. Карлоса Сафона. –

– Небось замудрёное чего-нибудь? Ну, всё равно. Дай, прочитаю чтоль. Всё равно делать нечего. –

– Она, дочь, на испанском – как бы извиняясь, сообщила Анна.

Дашка махнула рукой. – Скорей бы к бабушке... –

3

Егор проснулся в полумраке, сидя на чём-то мягком. Увидел перед собой запотевшее стекло и долго не мог «спросони» понять, где находится, и как оказался в этом месте. Пахло пластиком и кожей. Поводил рукой, ощупывая темноту. Наткнулся слева на, что-то круглое и сразу вспомнил.

Вчера, ехал на поезде, без остановки, до самого Ярославля. Уже начало вечереть, когда поезд прибыл на какой-то большой сортировочный узел, и остановился. Спрыгнул на землю и пошёл просто, для того чтобы размяться. Его кача-

ло из стороны в сторону, и в соответствии с законами физики, тянуло вперёд по ходу движения поезда. Бродя между разношёрстными товарными составами, вышел к какому-то вокзалу. Издали увидел полицейский патруль и решил не попадаться ему на глаза. Паспорт остался дома, в рюкзаке. Пошёл в другую сторону. Дошёл до какого-то ободранного двухэтажного здания красного кирпича, сложенного, видимо, ещё до революции. У входа курили работяги, в телогрейках. Егор поздоровался. Один из мужиков, молча протянул сигарету. – Не спасибо. Мне бы попить? – поблагодарил, Егор за такое проявление гостеприимства.

Мужики с удивлением рассматривали его.

– Вроде не бомж – сказал один другому.

– Ты, друг, откуда такой будешь? – обратился один из них к Егору.

– Из Москвы -

– В бегах? –

– Ага -

– Чего натворил? –

– Ничего. Забухал просто. Жена выгнала. Вот сам не знаю, как здесь оказался – отчаянно соврал Егор, сам удивляясь, к чему приплёл какую-то жену.

– А-а. Ну, это нормально – обрадовались мужики. – Пойдём тогда чайку попьём.

Егор понял про себя, что он, на самом деле неплохой психолог. И про жену оказалось очень кстати. В результате, му-

жики заботливо напоили его чаем с сахаром, в одной из комнаток этого вертепа. Егор с жадностью проглотил угощение в виде чёрного хлеба с салом и солёным огурцом. В тот момент, Егор решил, что, организует дома постоянный запас этих жизненно важных продуктов питания.

Однако после хорошего ужина расслабиться не удалось. Вечера уже становились холодными, и в своей жилетке, Егор начинал заметно дрожать.

– Дядечки, а у вас телогрейки лишней не найдётся? – без обиняков спросил он, ибо холод, как и голод, показался ему, в этот момент, той же родственницей.

– Да есть, конечно. Да они же у нас, сам понимаешь, казённые. Отчитываемся мы за них – ответили дядечки хором.

Егор достал из заднего кармана всё что было. Увы, не хватило бы даже на шапку. Он опустил молнию жилетки вниз и раскрыл полы, демонстрируя подкладку – Меняемся? –

Мужики подошли, и стали ощупывать дутые части стеганого, обмундирования.

– Вещь фирменная – резюмировал один из них, рассматривая, вышитый гладью треугольник, сформированный из трёх полосок, по убывающей – Годится! –

– И куда ты теперь, на ночь глядя, без денег, без всего? – поинтересовались мужики, когда Егор, поблагодарив их за хлеб-соль и застегнув телогрейку на все пуговицы, собрался, уже было откланяться.

– Не знаю. -

– Ты вот, что паря. Туточи, на седьмом пути, состав с грузовиками стоит – мужик подошёл к окну и протянул жёлтый указательный палец – Видишь? В-о-о-на. -

– Вижу – кивнул Егор.

– Залезай, в который открытый будет. Они почти все открытые. Всяко лучше, чем по улице-то околачиваться. Да и теплее. Но и это ещё не всё. Завтра до обеда, этот состав в Галич пойдёт, и ты на ём тоже, стало быть, поезжай. -

– Куда? – испугался Егор.

– Да ты погоди, паря. Не перебивай. –

– Он, ентот, состав, мимо Пронина ехать будет, тут–то ты в оба гляди. Как почувешь, что скорость снижается, а он там завсегда в одном месте приостанавливается, ты, значит, и сходи с него. –

– С кого? –

– С поезда. С кого? –

– Ага – кивнул снова Егор.

– Там в Пронино, церковь есть. Найдешь. Там, не далеко всё. Спросишь отца Тихона. Душевнейшей теплоты человек. Он завсегда нашего брата привечает. У нас кто из мужиков иной раз в «штопор войдёт», и собственным ходом назад возвратиться не может, завсегда к нему едут. Он их там отпаивает травками всякими, и, ... в общем, к нему тебе надо. –

– Да не. Я уж обошёлся давно – запротестовал Егор.

– Да не про то разговор, садовая голова. Хороший человек, он для всякого хорош. Ты расскажи ему, чего с тобой

приключилось, он тебе скажет, как тебе лучше поступить будет. И денег даст и накормит и напоит. В общем, у нас многие к нему ездят. Понял? –

– Нам, конечно не жалко, ты бы мог и здесь переночевать, но толку-то? Ну, ночь переночуешь, другую, а делать-то всё равно чего-то надо. Да, тем более поезд ентот в аккурат туда и идёт. Короче, сам Бог велит. Понимаешь? –

Егор кивнул. – Всё равно вариантов нет. –

– Ну, прощевай тогда – мужики по очереди попрощались с Егором за руку, и он пошёл искать открытый грузовик...

Егор, улыбнулся, вспомнив события вчерашнего вечера, и открыл дверь. Из туманного полумрака, пахнуло углём и всеми запахами железной дороги. Моросило. Егор потрогал рукава телогрейки и улыбнулся. Жилетку было немного жаль, но в данной ситуации это была, более чем, выгодная сделка. Егор выскочил из кабины в предрассветную «пенумбру».³

Хотя, вокруг никого не было, отбежал за столб. В этот момент, по громкой связи женский голос прокричал, что-то непонятное и, через несколько секунд, состав лязгнул всеми вагонами по цепочке. В полной тишине всё это было так неожиданно, что Егор растерялся. Надо было решать. Состав дёрнулся и плавно пошёл вперёд. Застёгивая ширинку на бегу, Егор догнал свой уезжающий грузовик и на ходу запрыгнул на платформу. Подойдя к кабине и встав на ступеньку, протер рукавом одно окно, потом повторил с другой сторо-

---

³ La penumbra (исп) – полумрак, сумрак

ны. Подумал, залез на передний бампер и вытер «лобовуху». Когда снова устроился в кабине, удивился своим мыслям – До чего же хорошо! –

Ему на самом деле стало как-то тепло и спокойно. Дом, институт, футбол – всё это показалось, Егору, обрывками чей-то чужой жизни. Он нажал на клаксон и тот, как ни странно, отозвался. Тогда, дал три долгих гудка, как будто бы, уходя в далёкое плавание, надолго прощался со всем и всеми кто оставался на берегу прошлой жизни. А может быть и навсегда.

И всё-таки на какое-то мгновение, ему стало страшно. Он испугался, что проедет Пронино, ведь он не знал, сколько времени до него ехать, сколько километров, и как оно выглядит. И тогда получится, как в популярной в прошлом веке песне «Паромщик», которую очень любила слушать бабушка – «Ты покинул берег свой родной, а к другому так и не пристал». Но это было только мгновение. Он почему-то был твёрдо уверен, что обязательно узнает Пронино.

4

– Слышь, Руслан. Просыпайся – толкнул приятеля «кожан» выглядывая, что-то на экране планшета.

Через несколько минут «Х5», переваливаясь по ухабам и лужам лесной дороги, вывернул на шоссе. Вчера, утомившись пятичасовым переездом от Москвы до Сергиев Посада,

и из последних сил доехав до Переславля-Залесского, Руслан принял решение передохнуть.

Подельники заехали в близлежащий лес и, перекусив, тем, что удалось купить в местном придорожном круглосуточном «супермаркете», посоветовавшись, решили, что их «жертва» теперь никуда не денется и можно немного вздремнуть.

Однако проспали до рассвета и теперь, мчались по пустынному шоссе в сторону Ярославля.

Уже через пару часов, найдя по сигналу маячка место, где должен был находиться Егор, Гордей, Руслан и их предводитель, обойдя кругом двухэтажное кирпичное здание, остановились у обшарпаной двери. «Кожан» кивком дал понять Гордею, чтобы тот встал под окно. Руслан пошёл и остался с противоположной стороны здания. Собравшись с духом, засунув руку в карман кожаной куртки, ощупывая ручку «Беретты», «кожаный» открыл дверь и перешагнул за порог. Бесшумно ступая, прошёл к лестнице, и, остановившись, прислушался.

Из-за одной из дверей коридора с облупившимися стенами, слышалось бормотание радио. Подойдя к двери, «кожан», снова прислушался и через несколько секунд стукнул по ней костяшками кулака.

– Открыто! – раздался голос изнутри.

«Кожаный» рывком открыл дверь и вошёл внутрь.

– Пацан где? – упавшим голосом спросил он, увидев в лачуге, одного из двух доходяг, в «адидасовском» жилете.

– А ты чьих, такой будешь, чтобы мы перед тобой отчёт держали? – отреагировал один из железнодорожных рабочих.

– Слушай, дядя – недовольно начал «кожан», присаживаясь на табуретку возле стола, покрытого газетами. – Я тебе, не начальство из РЖД. Я выговор объявлять не буду. Я сразу приведу приговор в исполнение – уверенным тоном проговорил он, брезгливо отодвигая от себя по столу, остатки от воблы, стволом «Беретты».

Мужики съёжились и притихли.

– Повторяю вопрос! –

Один из работяг, словно немой, кивая, потыкал пальцем в окно.

– Весьма доходчивое объяснение. Стало быть, там? – проговорил «кожан» указывая пистолетом на окно. – Или может быть тут? – продолжил он допрос, переведя дуло на ответчика.

Тот отрицательно замотал головой. – Нет. Точно не тут – заикаясь, промямлил мужик. – В Пронино он поехал. К отцу Тихону. Ага. –

– Зачем? – удивился бандит.

– А...это мы ему присоветовали. Вот... –

– Сектанты чтоль? –

– Да какое? Самые, что ни на есть православные. –

– У-у! – многозначительно промычал «кожан» – Православные – это хорошо! Ладно, православные – смягчился

«кожаный» поднимаясь. – Смотрите. Крепко в вере стойте. Если, что...вернусь – проверю! –

– Не изволь, батюшка, сумлеваться. Как есть, не уроним креста своего – залепетал работяга.

– Ну, ну – с сомнением протянул бандит и вышел из комнаты.

5

– Ви-и-и! – заторопилась с распростёртыми объятиями баба Катя, навстречу дочери и внучке, когда большая чёрная тень, метнувшись из неоткуда, сбила Дашку с ног и, увлекая за собой по ходу движения, повалила в грядку с морковью.

– Пират! Очумел, дармоед! – воскликнула баба Катя, глядя на возню в морковной ботве, сопровождаемую визгами, писканиями и громким частым дыханием.

– Хорошо, что ещё не выкопала – улыбнулась Анна, целуясь с матерью.

– Ну, вы догадались обе в светлое вырядится – посетовала баба Катя, глядя на улыбающуюся, растрёпанную внучку, которая опираясь на собачью морду двумя руками, пыталась подняться с земли.

Через пять минут всё семейство, переодевшись таким образом, что глава семейства оказалась в нарядном, а младшие наоборот, расселось на кухне, делясь друг с другом последними известиями.

Пират, допускаемый в такие дни в дом, покрутился, обнюхивая и тыкаясь в каждого, и наконец, найдя компромисс, улёгся на полу посередине кухни.

– Как, там, в столице дела? Путина видите? –

– Если только по телевизору. –

– А так? –

– А так, достаточно, того, что он нас всех видит. –

– Так и должно быть. –

– А ты, чего это про президента спросила? Политикой интересоваться стала? –

– Да нет. В Галиче как-то была. Документы на участок переоформляла. Так... люди «ходят», жалуются кругом. Коррупция мол, подорожания, в общем... жизнь тяжёлая. –

– И ты тоже пожаловаться решила? Самому президенту? –

– Я дочка, с сорок первого ни на что, ни кому не жалуюсь. –

– Я знаю. Прости. –

– Сын и дочь, вон к Клавдии приезжали. Маруся сказала, что беженцы с Донбаса в шелках и золоте «ходят». А Валерик, что те деньги, которые на восстановление Донбаса идут, могли бы ей к пенсии прибавить... –

– Ага. А чего же он в прошлом году не приехал к матери, когда у неё труба сломалась. Вот починил бы, и сэкономил бы материнскую пенсию. Но для него это походу слишком мелко, он в геополитических масштабах мыслить привык – не выдержала Дашка.

– Ладно, мам... Я этих беженцев не видела, и тех, кто их видел, тоже не видела, так что ничего сказать не могу. Да я бы и поменьше слушала непроверенные факты. –

– А как их определить, проверенные они или нет? –

Анна улыбнулась. – А ты этому информатору, ручку с бумагой дай и попроси, чтобы изложил всё в письменном виде, подписался и число поставил.

Пират громко гавкнул, как будто подтверждая сказанное. Все рассмеялись. В это время крышка запрыгала на кастрюле.

– Ой, батюшки – баба Катя всплеснула руками.

Женщины вскочили и как опытная сплочённая бригада, заскользили по кухне. Отработанными годами движениями, не сталкиваясь и ничуть не мешая друг другу, стали собирать на стол к обеду.

– А отец Тихон у себя? – спросила Дашка у бабушки, уже, когда вместе мыли посуду после обеда.

– А куда ему деться? Сходи. Вон только этого лоботряса возьми с собой – баба Катя нежно обтёрла собачью морду мокрой рукой.

– А картошку копать? –

Баба Катя улыбнулась – Да выкопала уж всю, дочка. –

– Ну-у! – протянула разочарованно Дашка. – Зачем ты? Тебе же тяжело. –

– Да я бы с тоски здесь померла, если бы не эти картошки-морковки – ответила баба Катя. – Ступай с Богом. Вся

жизнь впереди, ещё наработаешься. –

Дашка поцеловала старуху в щёку, сорвала с себя фартук и побежала в дом собираться.

Через пять минут, вышла из дома. Свистнула.

– Пират! –

Из конуры выпрыгнул пёс и завертелся вокруг хозяйки.

Они вышли на улицу, затворив за собой, калитку, и Анна, проводив их взглядом через окно комнаты, легла на большую высокую кровать, закрыла глаза и через мгновение погрузилась в глубокий сон. Баба Катя тоже прилегла. Слышно было лишь, как тикают часы на стене, да бьётся в оконное стекло муха, видимо, таким образом пытаюсь решить какие-то свои проблемы.

6

Состав въехал в какой-то город, но не остановился, а медленно продолжал ехать вперёд. Егор прочитал название – «Нерехта».

– Интересно, есть ли у этого слова какое-нибудь значение? – Он по привычке, сунул руку в задний карман, но поймал себя на мысли, что впервые за последние сутки вспомнил про свой смартфон и про то, что его нет.

– «Кожан» – сука! И спросить не у кого – расстроился Егор.

Где-то, через час, поезд проехал по мосту над широкой

рекой. Надо же – Волга, удивился Егор, прочитав название на табличке, прикрученной к столбу. Через несколько минут состав въехал в ещё один город, и остановился на рельсах большого сортировочного узла.

– Вот те раз! «Здорóва, Кострома. Здорóвенька» – улыбнулся про себя Егор. – Вот ты какой, северный олень. –

Здесь Егор проторчал почти два часа. Ему очень хотелось есть и пить, но он боялся отойти от своего грузовика. Так и просидел, спрятавшись в кузове, дыша свежим воздухом. Небо немного прояснилось. Днём, всё ещё было достаточно тепло, но Егор не стал снимать телогрейку, а только расстегнул пуговицы. Поезд вновь тронулся. Когда проехал станцию «Судиславль», сердце забилося сильнее.

Поезд начал снижать скорость, ещё до того как, миновал станционный указатель «Пронино», но Егор уже чувствовал – это здесь. Он провёл ладонью по двери машины, как будто прощался со своим временным жилищем, и приготовился. Когда поезд почти остановился, Егор спрыгнул в высокую траву и покатился вниз с откоса.

– Хорошая вещь телогрейка – подумал Егор, когда благополучно закончив кувыркаться, поднялся в полный рост и вдохнул пряный запах увядающей травы.

– Как же красиво! – удивился он, тому, что поле, лес, небо, облака могут быть красивыми.

У него возникло не испытываемое никогда ранее чувство, что он вернулся в свой дом, в котором ни разу не был.

– Так не бывает. Это противоречит законам логики – думал он, шагая по асфальтовой дороге в сторону невысоких жилых домов.

– Наверное, с головой что-то. Это от голода – успокаивал себя Егор, когда вдруг почувствовал позади чьё-то дыхание. Большой чёрный пёс обогнал его и, обнюхав, посеменил назад. Егор обернулся.

Он узнал её сразу. Даже без роликов. Силуэт снежной королевы в телогрейке, двигался в его сторону, и был уже метрах в тридцати от него, когда Егору показалось, что он услышал, как расколосась семечка, под натиском её белоснежных зубов. Он замер парализованный.

– Неужели так понравилась? – поравнявшись с ним, произнесла Снегурочка, с едва уловимой дрожью в голосе, пытаясь делать вид, что ничуть не удивлена этой неожиданной встрече.

Егор молчал, как заколдованный.

– Ты это... – не выдержав маску равнодушия, тихо проговорила, Дашка – В порядке?.. –

– Дай, поцелую, красавица – вылетело у Егора само по себе.

– Поцелуй... – сказала Дашка, оборвав фразу на полуслове.

Ощущение «дежавю», не покидало обоих, пока они, обнявшись, стояли посреди дороги.

– Пойдём к озеру спустимся? – предложила Дашка. – Я

всегда, когда в школу шла, останавливалась передохнуть на берегу. И теперь по другому, в Пронино, войти не могу. –

– А ты здесь училась? –

– Я здесь живу –

– А как же ты на работу добираться? –

– На роликах. –

– А собака? –

Дашка огляделась вокруг. – Удрал, гад. –

– Не потеряется? –

– Ну, если даже ты меня нашёл... -

– Действительно. Только где же здесь озеро? –

Дашка, лукаво улыбнулась – Секрет. -

Они сидели на берегу большого лесного озера, в трёх минутах ходьбы от дороги, и Егор рассказывал Дашке все свои приключения последних двух дней. Он, то вскакивал, и бежал вокруг неё, размахивая руками, то садился перед ней на корточки, брал в ладони её лицо, целовал, после чего, утыкался головой в её волосы и начинал жадно вдыхать.

– Всё! – вскочила Дашка. – Надо Нежину звонить! Это же не шутки. Ты понимаешь? – Она достала смартфон и, нашла во «входящих» номер с которого звонил ей генеральный директор.

– Блин! Никто не берёт. Офисный, наверное. А сейчас суббота – задумчиво произнесла Дашка, – после чего снова «тыкнула» в экран.

– Тамар, привет. Это Даша. Новосёлова. –

- У тебя мобилы Нежина нету? -
- Вообще-то понимаю. –
- Просто очень важно. –
- Даже если бы, был, не дала? –
- А нету? –
- Ну, да. Я понимаю. -
- Ладно, спасибо. Извини. –
- Нет ничего. Пока. –
- Да не волнуйся ты так – пытался успокоить её Егор, когда она сунула смартфон, обратно в карман телогрейки.
- Как не волнуйся? Ты, сумасшедший? –
- Я? Да! – ответил Егор, сидя на телогрейке и улыбался глядя на Дашку снизу вверх.
- Почему? –
- Потому, что я люблю тебя. –
- Дурак – улыбнулась Дашка и легонько толкнув, повалила его на спину...

7

– Опачки! Вот это удача! На ловца и зверь бежит – проговорил вкрадчиво «кожан», когда «Х5» разминулся с Егором и Дарьей на дороге.

– И кукла с ним. Хороша артель. Нечего сказать. А ты, Русланчик, спрашивал... – кожан потёр ладонью об ладонь. – Он знал куда едет. –

«Х5» резко остановился и начал сдавать назад. Егор оглянулся и схватил Дашку за рукав – Ходу! –

Сообразив в чём дело, она рванула его за руку влево от дороги, и они побежали по полю в сторону березовой рощи, над которой возвышался купол церкви. От машины отделились две фигуры и погнались за ними.

Их разделяло метров двести, когда Егор с Дарьей запыхавшиеся ворвались в двери храма.

– Тихон – крикнула Дарья.

Отец Тихон, стоял у лампы и тушил свечи. В храме никого больше не было, видимо только недавно закончилась служба.

Он обернулся на шум и спокойно произнёс – Здравствуй-те. Не стоит шуметь в храме, ангельская душенька. Ты же знаешь. –

– Тихон, нас убить хотят – задыхаясь, произнесла Дарья.

– Волос с наших голов не падёт без Его воли. Бегите наверх, там слуховое окно. Спуститесь по пожарной лестнице на ту сторону. Ты же помнишь, как лазила там маленькой, не заблудишься. Лодка на берегу. Увидите.

– Спасибо, Тихон – поблагодарила Дарья на ходу, увлекая Егора за руку вверх по винтовой лестнице.

Через полминуты вбежал «кожан».

– Здоров, святой отец! – прорычал, остановившись. – Где они? -

Тихон внимательно посмотрел на него и указал рукой на

лестницу. Бандит рванул наверх.

– Не бери грех на душу, Алексей – услышал «кожан» за спиной и, вздрогнув от звука произнесённого имени, застыл на лестнице, обернувшись.

– Игорян? – вглядываясь в лицо священника, удивлённо проговорил, Алексей.

– Всё воюешь? – улыбнулся отец Тихон.

– А ты всё чертей гоняешь? – ответил «кожан» спускаясь с лестницы.

– Не стоит здесь так говорить – спокойно продолжил разговор Тихон.

– Неужели? – ехидно усмехнулся Алексей. – Ты Игорёк, всё в игрушки играешь? –

– Как скажешь – согласился отец Тихон.

– Хорошо устроился, смотрю. Тихо у тебя тут как... спокойно. Прямо рай на земле. И миллион евро личные курьеры-ангелы доставляют прямиком из Москвы. Обставить, ты меня, как всегда, задумал, святой отец? – скрипнул зубами Алексей.

– Как всегда? –

– Ну, не скромничай, святой отец, не стоит. Лучшую «куклу» на курсе, кто себе заграбастал? Конечно – звезда рок-н-ролла. А теперь вот и мой миллион прибрать решил? Вот на этот раз не выйдет, брат. –

В церковь влетел, запыхавшийся Гордей и остановился. Алексей кивнул головой в сторону лестницы.

– Миллион? – отец Тихон покачал головой.

– Ладно. Некогда мне сейчас. Попозже дотолкуем – бросил на ходу «кожаный» и побежал за подельником.

Достигнув внутреннего помещения купола храма, увидел небольшое приоткрытое оконце. Заглянул и тут же со всего размаха хлопнул створкой.

Тихон, услышав снизу звон разбившегося стекла, перекрестился.

Гордей выглянул в окошко, откуда, как на ладони, увидел реку, лес на том берегу, и две человеческие фигуры в лодке, которая уже почти причаливала к противоположному берегу.

– И не одного моста – покачал головой Гордей.

«Кожан» медленно спустился вниз.

– Всю жизнь, ты мне поперёк дороги стоишь, святой отец – стиснув зубы, выдавил из себя Алексей, подходя к Игорю. Поднял руку и разрядил всю обойму «Беретты» в голову бывшему другу.

8

Дашка обернулась и прежде увидела, стаю чёрных ворон, взметнувшуюся в свинцовое небо, чем услышала выстрелы.

– Егор – позвала он дрожащими губами. – Они Тихона убили – перешла она на шёпот и как зомби, развернулась и пошла обратно к лодке. Егор присел и, распрямившись пружинно.

жиной, распластался стрелой в воздухе, вытянув вперёд руки, в тот самый момент, когда Дарья рванула обратно к лодке. Приземляясь, он успел схватить её сзади за щиколотки, и она как подкошенная рухнула на землю и даже успела перевернуться на спину, когда Егор заполз на неё сверху и схватил за запястья, пытаясь прижать их к земле.

– Пусти! – закричала Дашка не своим голосом и слёзы хлынули из её глаз. Упершись пятками и плечами в землю, она как рессора, выгнулась вверх, пытаясь сбросить с себя Егора.

– Пусти, сволочь – кричала она, продолжая выгибаться, как бездумный механизм, бесчисленное множество раз.

Егор покрывал поцелуями её мокрое обезумевшее лицо, шепча – Тихо, тихо, тихо. Всё. Всё... Всё... -

Она мотала головой в разные стороны и сыпала проклятиями. Через полминуты частота рывков стала сокращаться. Она как, раненный зверь, пытающийся вырваться из капкана, стала выбиваться из сил и под конец, совсем ослабев, сдалась. Затихнув окончательно, тяжело дыша, уставилась безмолвно в небо.

Егор перекатился на спину и остался лежать рядом. Так они лежали на влажной вымятой траве, на берегу реки, молча глядя в небо, пока не увидели, как белая голубка, покружив над ними высоко-высоко в небе, исчезла за тяжёлыми тучами.

Анна открыла глаза. Прислушалась. Только часы размеренно отсчитывали ход времени. Через какое-то время услышала, приближающиеся шаркающие шаги.

Баба Катя вошла в кухню, и поставила ведро с водой на табуретку.

– Мама, это ты? –

– Я, дочка. Проснулась? – послышалось их кухни.

– Охотники спать не дают? – вошла старушка в комнату. – Медведя, поди, завалили. Сколько раз-то палить-то пришлось. –

Анна резко встала с кровати и пошла к иконе, что висела в углу, но «спросони» оступилась и ударилась головой об край серванта.

– Да, ты что, Аннушка? Бог с тобой – запричитала мать.

Анна подошла к иконе, не замечая, как светлые волосы стали окрашиваться розовым.

– И-и! – вдохнула баба Катя, и полезла в сервант.

Анна провела рукой по тёмному дереву старой иконы и пошла к двери. Выйдя на улицу, села на ступеньках крыльца. Баба Катя вышла следом с бинтом, ватой и пузырьком зелёнки в руках.

– Закинь голову, горюшко ты моё – засуетилась баба Катя, пытаясь смоченной в воде марлей, промыть рану.

Анна, послушно откинула голову назад и увидела на фоне

серого неба, одинокую белую голубку, что покружив высоко в небе, исчезла за облаками.

10

– Ну, надо же, невезуха. Почти приехали и на тебе – мотнул головой Евгений и начал съезжать на обочину.

Пока, водитель, менял пробитое колесо, Алекс и Иван пытались, хоть чем-то ему помочь.

– Иван Сергеич, когда втроем пытаются, сделать, работу с которой одному-то делать нечего, ничего хорошего не выйдет – улыбаясь, отгонял их Евгений.

Иван махнул рукой – Да, я знаю – и отошёл от машины.

Когда всё было готово, Женя оглядел длинный боковой порез на крышке. – А здорово по днищу хряпнуло. Похоже рессору поймали. –

Водитель уложил в багажник пробитое колесо и на всякий случай, расстелив брезент под задним бампером, улёгся на него спиной и попытался продвинуться под машину, с целью обследовать днище на предмет возможных повреждений.

– Евгений! Я категорически запрещаю вам залезать под машину стоящую на одном, только домкрате – взвился Иван. – Что за мальчишество? –

– Да я быстренько, – неуверенно проговорил водитель, смутившись от того, что ни разу за пятнадцать лет, не слышал, чтобы директор разговаривал с кем-нибудь таким то-

НОМ.

– Сейчас же вылезайте! –

Иван взял Женю, за руки и начал вытягивать его из под машины. Алекс рассмеялся. – Я даже в армии такого не видел, чтобы человек залез под машину стоящую на домкрате. –

– Ничего, скоро вы ещё не такое увидите – пообещал ему Иван, продолжая тянуть водителя за руки, который глядя в небо, рассмотрел белое пятнышко на свинцовом фоне, что покружив высоко над ними, исчезло за серой пеленой.

11

А голубка, покружив над всеми «легла на крыло» в сторону Кинешмы, к которой, из Горьковского водохранилища, вверх по течению Волги устремился маленький буксир, тянувший за собой огромную баржу с горами щебня. Долетев за считанные минуты до этого каравана, голубка спикировала вниз и присев на вершину щебневой горы, взяла в клювик, маленькую жёлтенькую крышечку и полетела обратно. Пролетая над озером Скомороховское, уронила в него крышку и, не останавливаясь, полетела дальше на север, где навсегда скрылась за серой пеленой, и больше никто её, никогда не видел.

Конец третьей части

IV

*Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели, не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой*

В. Высоцкий

1

- Ох–хо-хо. Горе ты моё – битый час, обнимая забинтованную голову дочери, продолжала причитать баба Катя.
- Болит голова-то? Поди, приляг.-
- Нет. Спасибо мам... всё хорошо. Ничего не надо. –
- Да какое хорошо? На тебе лица нету. –
- Это не медведь, мама. –
- Баба Катя озабоченно с подозрением посмотрела на дочь
- Какой, ещё медведь, Аннушка? –
- Тот, которого убили. Это человек был –
- Да, Бог с тобой, милая. Здесь в войну никого не убили, нешто ноне, средь бела, дня человека умертвлять станут? –
- А Дашка где? –
- Да к Тихону пошла... -
- А что он? –

– Да, поп местный. –

– Давно он здесь? –

– Да уж почитай годков пятнадцать. Говорили, вроде из Ленинграда прибыл, ненадолго. А он вишь, прижился. Поди, доча, приляг лучше. –

Анна встала и пошла в дом.

Баба Катя взяла таз с бельём и направилась к калитке. Спустилась к реке, до мостков, с которых, встав на колени, принялась выполаскивать в Тёбзе Дашкин светло-серо-зелёный спортивный костюм, который после встречи с Пиратом, годился теперь разве, что как спецовка для полевых работ.

В это время к одному из столбиков мостка прибилась жёлтенькая крышечка. Обогнув столбушок, решила плыть дальше по течению, когда баба Катя проворно поймала её рукой и, обтерев об фартук, сунула её в карман. – Вот так кстати. А то затычку от бутылки с керосином, где-то прошляпила, старая... – проворчала, ругаясь на себя, баба Катя. Дополоскав костюм, встала с колен, взяла подмышку таз и пошла обратно.

2

– Женя, Женя, Женя! Остановись, пожалуйста! –

«Аб» резко взял к обочине и затормозил. Иван выскочил на дорогу.

– Дарья! Новосёлова! –

Дашка обернулась и со всех ног помчалась к Ивану.

– Иван Сергеевич, миленький, как хорошо, что вы здесь.

Беда! Совсем беда! –

– Садитесь в машину – Иван махнул рукой Егору.

3

– Идиот! – Гордей развернулся и выбежал из церкви. Алексей сплюнул на пол, и, сунув дымящуюся «Беретту» в карман, вышел из храма. Увидел, как Гордей, добежал до машины, сел, и «Х5», подняв столб пыли, стартанул с «прокрутом», и помчался от него прочь.

– Чмошники! – снова сплюнул Алексей. – Уррроды! -

Оглядев местность, сообразил, что дорога делает большой крюк, огибая пролесок. Он рванул вперёд, перебежал дорогу и скрылся между деревьев. Ветви и еловые лапы хлестали его до крови по лицу, паутина, обрывки грязных листьев и иголки хвои налипли на губах. Но, он бежал, на просвет, не разбирая дороги. Продравшись через чащобу, выбежал на кочковатую поляну и побежал по мягкому салатovому ковру, когда внезапно, нога вместе с кочкой резко ушла вниз. Он рухнул лицом в этот зыбкий газон и, опираясь на него руками, попытался вытянуть ногу, но в этот момент провалились руки.

– Суки! Все против меня! – продолжая бороться за жизнь, рычал Алексей. Кое-как дополз до места, над которым свиса-

ла осиновая ветка. Он протянул руку, пытаясь ухватиться за неё, но когда между его пальцами и веткой оставались считанные миллиметры, резкий порыв ветра отогнул её в сторону. Деревья вокруг заскрипели наперебой.

– Суки! Все против меня! Ну, погодите. Я сейчас вылезу, я вам устрою. -

Так повторялось несколько раз. Он всё глубже и глубже проваливался, пока, наконец, ухватившись за ветку, не вытащил своё тело на поверхность. Дополз до твёрдой земли и поднялся. Подойдя, к осине стал бить со всей силы по стволу кулаками.

– Суки, утопить меня хотели? Я вас сам всех утоплю. Догоню только, чмошников и вернусь. Вырублю вас всех под корень. Заговорщики хреновы. –

Он собрался было обежать болото, чтобы продолжить погоню, когда увидел, как сквозь туман, навстречу ему приближаются два красных уголька. Он достал пистолет и направил его в ту сторону. Из тумана выросла фигура огромного чёрного пса, остановилась и стала пристально сверлить мозг, Алексея своим красными горящими глазами.

– Изыди, сатана! – он несколько раз нажал на курок, но тот предательски прощёлкал в холостую. Алексей дрожащими руками, достал пули из кармана и начал заряжать обойму. Чёрный пёс сделал шаг навстречу.

– А-а-а! – заорал «кожан» и швырнул пистолет в собаку. Чёрный пёс медленно стал приближаться к нему. Алексей

начал швырять в собаку смартфонами – своим и Егора, крича – Изыди, демон!

После полетели, ключи, пули, носовой платок.

– Изыди, сатана! – снова заорал Алексей и, содрав с себя мокрую, грязную кожаную куртку, бросил в чёрного «демона».

Сельчане на автобусной остановке, скукожились, и тесной группой переместились в кювет, когда увидели, как из леса выбежал абсолютно голый мужчина, оглядывающийся и размахивающий пистолетом, который выскочив на дорогу с криком: «Гори ты в аду, сатана»! – размахивая не только «Береттой», побежал прямо посередине шоссе, по направлению к Пронино.

Сельчане, крестясь, поодиночке, стали возвращаться на остановку, когда сумасшедший отбежал на почтительное расстояние.

Машины на обеих полосах притормаживали и аккуратно с опаской объезжали голого мужчину, чтобы проследовать дальше. Так мимо проехали: «Х5», а затем и «А6».

4

– Это он! – в один голос выдохнули Дашка с Егором, когда увидели «кожана» без кожаной куртки.

– Кто? –

– Бандит, который за крышкой гоняется – пояснил Егор.

– Остановиться, Иван Сергеич? – предложил водитель.

Иван поколебался несколько секунд. – Да теперь уже не имеет смысла. –

«Аб» подъехал к дому. Навстречу вышел Пират с чем-то чёрным в зубах. Все вывалили из машины и Дашка, подойдя к псу, взяла у него из пасти смартфон.

Егор, заглянув ей через плечо с удивлением протянул – Это, кажется мой. –

Он взял смартфон из рук Дарьи и включил. Вычертив указательным пальцем кривую на экране, улыбнулся. – Маме надо позвонить. –

Через пару минут, где-то запиликал сигнал телефона. Алекс поднёс трубку к уху.

– Да, да. Я знаю. –

– Нашёл. –

– Рядом со мной. –

– Нет. Всё в порядке –

– Я доложу. –

Снизу показалась баба Катя, с тазом подмышкой.

– Ви-и – пропела она, – То не гроша, да вдруг алтын. Что же вы столпились-то все на дороге, проходите в дом. –

Услышав шум во дворе, Анна вышла на крыльцо.

– Ванька! –

– Анюта! –

Университетские друзья бросились друг к другу. Обнялись.

– Как ты, Анюта? –

– Ты, то как, здесь, Иван? –

– А ты? –

– А, ну да, совсем забыл – наперебой стали заваливать друг друга друзья вопросами без ответов.

– А Игорян с Лёхой как? –

– Не знаю. Я думала, ты знаешь. –

– Нет. Ничего не знаю. –

– И я ничего. –

– Да проходите все в дом – спохватилась Анна.

В этот момент, во двор вбежала Клавдия с Михаилом Ивановичем.

– Катя! В Пронино, что-то стряслось. Милиции полным полно понаехало. Скорой помощи, аж, две машины. Говорят, Тихона убили. –

Все разом смолкли, и над двором повисла долгая пронзительная тишина.

Дашка села на землю, прислонившись спиной к забору, и уткнула лицо в колени. Егор сел рядом и накрыл её всю собой, уткнувшись носом в растрепанные волосы. Подошла Анна, и, стащив повязку с головы, осталась молча стоять рядом с ними.

как-то так получилось, что потихоньку все разбились на кучки, и из-за тесноты, стали выходить во двор. Уже стемнело, и на улице зажётся единственный фонарь.

Иван, Алекс и Егор, что-то обсуждали в стороне ото всех. Дашка с матерью и бабушкой с Клавдией и Михаилом Ивановичем столпились возле конуры, из которой торчала большая чёрная собачья голова с закрытыми глазами, покоящаяся на передних лапах. Евгений разложив сидение, крепко спал в машине.

Через несколько минут группы воссоединились. Посоветовавшись, мужчины вынесли стол и стулья на улицу. Женщины собрали всё к чаю, и наконец-то, все расселись вместе.

– Мать покойница, Антонина, и отец не видят – с сожалением пожаловалась баба Катя. – Вот бы верно утешились – и промокнула концом, повязанного на голове платка, увлажнившиеся глаза.

– А Вашу маму звали Антонина? – вскинул голову Алекс.

– Да, мой хороший, Антониной – с грустью ответила баба Катя.

– А отца? –

– Ляксей Ляксеич. До сих пор безвести пропавший – вздохнула печально старушка.

– А вы значит Екатерина Алексеевна Новосёлова? –

– Она самая, милый. Уж почитай семьдесят седьмой год как, Екатерина Ляксевна. –

– А разве вы не погибли в Ярославле в октябре 41-го? –

Баба Катя насторожилась. – А ты откуда, милый, знаешь, что я погибнуть тогда должна была? –

Все притихли. Алекс сдвинул брови, помолчал некоторое время, сосредоточенно думая о чём-то про себя и начал свой рассказ.

6

– Ранним утром 6 июля, Антонина Новосёлова, держа на руках трёхмесячную Катюшу, провожала мужа на фронт... -

– Алексей Алексеевич Новосёлов, уроженец деревни Климцево, тогда Ярославской, а ныне Костромской области, 1918 года рождения, в конце ноября 41-го попадает в плен в бою за Перемиловскую высоту под Яхромой, там, где сейчас над каналом Москва-реки, возвышается 28-ми метровый бронзовый солдат, бегущий в атаку с автоматом ППШ поднятым над головой. Но, той же ночью ему удаётся бежать. Не сумев прорваться на позиции своего батальона, он принимает решение бежать всё равно, куда, лишь бы к своим. По пути он встречается с группой советских солдат вышедших из окружения, которые рассказывают ему о том, что всеми вышедшими из окружения без знамени полка, равно как и бежавшими из плена, лично занимаются «особисты» НКВД.

Алексей решает вернуться в Климцево, чтобы попрощаться с женой и дочкой, и объяснить им как всё было на самом деле, чтобы хоть они знали, что он не предатель. В одну из

ночей декабря 41-го года, он тайком пробирается к своему дому, и находит его заколоченным. По счастью, в окне одного из домов замечает свет. Антип Ермолаевич или проще – Ермолаич, рассказывает ему, что случилось с ним, и с Антониной с грудной Катюшкой, в Ярославле на Московском вокзале 6 ноября 41-го года. Алексей осознаёт, что остался совсем один, и что его больше ничего не связывает с этим миром. Тогда он берёт с Ермолаича клятву, что тот, никогда и никому, не расскажет, что видел его этой ночью. Ермолаич божится на икону, и как я теперь понимаю, клятву свою сдержал. -

Баба Катя внимательно слушала, утирая слёзы платком – Теперь-то я понимаю, почему Ермолаич обнял меня и заплакал, когда я приехала в деревню из детского дома. –

Анна, сама едва сдерживая слёзы, положила ладонь на руку матери.

– А почему, Ермолаич, не сказал прадеду, что бабушка-то осталась жива? – возмутилась Дашка.

– Да не знал он, тогда внучка, не знал – проговорила сквозь слёзы баба Катя. – В деревне, только через год узнали, что я жива осталась. –

Клавдия покачала несколько раз головой, подтверждая.

– А-а. – протянула Дашка.

– Так вот – продолжил Алекс. – Алексей Новосёлов уходит той же ночью из деревни и через какое-то время, пересекает линию фронта, и примыкает к партизанскому отряду,

который сражается с немцами у них же в тылу, на оккупированных территориях. Так, в составе партизанского отряда, он проходит всю войну, почти до её окончания. Когда линия фронта перемещается за границу СССР в Европу, партизанский отряд, сформированный в основном из таких же, как Алексей, бежавших из плена или вышедших из окружения, вынужден прекратить своё существование. Те бойцы, у кого остались в Советском Союзе семьи, идут сдаваться своим же, в надежде, быть реабилитированными. Алексей же, не видя ни какого смысла в возвращении, «оседает» в Швейцарии, где находится инкогнито, перебиваясь с хлеба на воду, вплоть до июля 1947 года, когда завершается массовая репатриация, которая после уже не несёт массового характера, но фактически продолжается до 1 июля 1952 года. Да к тому же начало холодной войны, в которой Швейцария принимает «нейтралитет», способствует тому, что Алексею удаётся оформить швейцарский паспорт, адаптировав свою русскую фамилию Новосёлов под созвучный латинский вариант Nowsell. –

Иван вопросительно посмотрел на Алекса, но перебивать не стал.

– Став Алексом Ноузэлом, он находит работу и проживает в Швейцарии до 1954 года, каждодневно опасаясь «всевидящего ока» НКВД-МГБ-КГБ, в результате чего, эмигрирует в США.

Оказавшись в Нью-Йорке, в возрасте 36-ти лет, ему при-

ходится начинать всё сначала. Но тут вмешивается случай или судьба, кому как нравится. Алекс становится очевидцем происшествия. Автомобиль на полном ходу пробивает ограждение набережной и падает в воду. Он прыгает за ним и спасает одного из пассажиров, но сам попадает в больницу, отделавшись лёгким переломом или чем-то в этом роде. Благодарные родители делают всё возможное, чтобы вознаградить человека спасшего их сына.

Таким образом, Алекс Ноузэл входит в дом Эдриана Холфилда – президента компании «Spranta». Он начинает работать в компании и посещать дом Холфилдов. Где между сестрой, спасённого Холфилда младшего, Эшли Холфилд и Алексом Ноузэлом возникает роман и вскоре они женятся. Через год, на свет появляется мой отец – Генри Ноузэл, ныне действующий президент компании «Spranta». –

Все переглянулись.

– В 1985 году, перед смертью, мой дед Алекс, рассказывает нам с отцом, что в России, у него была жена Антонина, в девичестве Парфёнова, и дочка Катя, которые погибли в Ярославле, осенью 41-го года. Он просит нас, разыскать место их захоронения, потому что, сам не может ехать в СССР, в котором его, как он полагает, считают изменником родины и могут арестовать.

– Так же он попросил нас положить на их могилу вот это, – Алекс протянул бабе Кате, маленький образок Богородицы. – Сказав, что больше передавать эту реликвию неко-

му. –

Баба Катя сжала иконку в руке – Спасибо, Ляксе́й, – непонятно кого поблагодарила она. То ли своего отца, то ли своего сводного племянника. – Но это теперь вот чьё – с этими словами бабушка протянула внучке реликвию, веками передававшуюся по женской линии их рода. Дашка осторожно взяла её, спрятала в ладони, сложив их лодочкой, и поднесла к губам.

– Хотя в то время всё ещё были сложные отношения между Советским Союзом и США, – продолжил Алекс – нам удалось выяснить, что некая Антонина Алексеевна Новосёлова была похоронена на Туговой горе в Ярославле, 6 ноября 1941 года, но смущало, то обстоятельство, что ни там, ни где-нибудь поблизости, не была похоронена Екатерина Алексеевна Новосёлова. Время шло, а информации так и не поступало. Но видимо, всякому тайному уготовано, своё время, стать явным.

Ну, вот, пожалуй, и всё, что я могу вам рассказать. Осталось только найти крышку от бутылки и можно ехать домой – закончил Алекс свой рассказ.

– Да крышку-то я вам дам – вытаскивая из кармана фартука жёлтенькую крышечку, и кладя её на стол, проговорила баба Катя – А домой-та завсегда успеется. Тем более, считай, что ты дома. Этот сруб поставил твой дед, в аккурат перед войной. А как поставил, так сразу и привёл в него молодую жену. Жаль пожилы не долго. Он, конечно местами переде-

ланный да оббитый, но пять стен всё те же. Сносу нет. –

– Спасибо, тётушка. Нет, конечно, не сразу поеду. Вы меня ещё должны на Тугову гору отвезти – поблагодарил бабу Катю Алекс за гостеприимство. – И за крышку спасибо, только нам чуть-чуть, другая нужна... -

– Да она это – подал голос Егор. – Видите на ней две дырочки? Это крыса прокусила. А вот эти отпечатки – мои. Я же её зубами открывал. –

Иван достал планшет и забил код в форму на сайте акции.

– Ну, вот и всё. Можете Алекс, докладывать в «центр» об успешном окончании операции. Крышка, у её хозяина. Хозяин здесь.

Дело ясное!!!

– Неет, Иван Сергеевич, – замотала головой Дашка. – Вы же сами говорили, что если я бутылку кому-то из своих продам, у вас проблемы будут. –

Алекс поднял руку – Не возражаете Иван Сергеевич... -

– Давай, Алёш, на «ты»? – улыбнулся Иван.

– Давай – улыбнулся в ответ Алекс. – Я и сам хотел предложить ещё по дороге, да как-то не получилось. В общем, не возражаешь, если я за тебя отвечу.

– С удовольствием. –

– Вы, Даша, знали Егора, до того момента, как передали ему бутылку? –

– Да откуда? –

– Ну, вот и всё! Всё – по справедливости! А остальное я

беру на себя. ОК? –

– С начальством не поспоришь! – серьёзно ответила Дашка.

– Теперь надеюсь всем всё понятно? –

– Ясное дело! – ответили неожиданно все хором.

7

В понедельник, на кладбище возле церкви хоронили отца Тихона. Гроб с утра стоял закрытый посреди храма. Анна смотрела на портрет и слёзы сами собой текли по её щекам. Иван, постоянно пытаясь поправить черную рюшь, окаймляющую крышку, вовремя спохватывался и, отводя руку, вздыхал, повторяя шёпотом – Эх, Игорёк, Игорёк. –

Дашка, суетилась между могилой и церковью, решая там и тут возникающие вопросы относительно: Чего? Куда? Когда? Егор помогал ей как мог.

Баба Катя, Клавдия и Михаил Иванович, присоединились к толпе сельчан и, о чём-то разговаривали в полголоса. День выдался солнечный. Большие пушистые облака, медленно проплывая по голубому-голубому небу, отражались в зеркале реки, у берега которой, покачивалась одинокая лодочка, оставшаяся без хозяина.

Когда позвали к отпеванию, народ потянулся отовсюду, и когда внутри храма уже не оставалось места, большая часть осталась на улице, заняв всё свободное пространство.

Когда бросили по последнему кусочку земли в могилу и отошли, рабочие за считанные минуты засыпали её мягкой землей с большой горкой. Обложили зелёными еловыми венками с красными лентами, на которых блестели, отражаясь на солнце золотые буквы. Море разноцветных садовых и полевых цветов придавали могиле несколько не торжественный вид, но почему-то все сходились во мнении, что так даже и лучше.

Когда почти все разошлись, Анна подошла к священнику, что вёл погребение, и о чём-то недолго расспрашивала его. Он сходил в избушку, в которой жил Тихон и, вернувшись, передал Анне какую-то бумагу. Они попрощались, и она подошла к своим. Посовещавшись, Анна, Егор и Дашка пошли домой пешком, остальные поехали домой на Евгение.

Когда проходили мимо леса, в котором было озеро, Анна спросила, Дашку – Ты помнишь, спрашивала меня, каким был твой отец? –

– Помню, мама. –

– Вот это и был твой отец. –

– Я знаю. –

– Откуда? –

– Не знаю. Он и был мой отец. Только его звали не Игорь, а отец Тихон. –

ЭПИЛОГ

Через год, Егор, по совету Алекса, построил между Климцево и Пронино завод по производству кваса. Квас изготавливался по рецепту бабы Кати и первое время был двух видов – с мятой и без. Баба Катя числилась по штатному расписанию главным консультантом, и хотя на работе появлялась редко, исправно получала зарплату, премии, отпускные и больничные.

Пришлось расширить и заасфальтировать дорогу, чтобы по ней могли проезжать фуры. Потихоньку, по мере расширения производства, с окрестных сёл и деревень потянулись работники. Некоторые бросали свои работы в Галиче, Судиславле и Островском, ради того чтобы работать рядом с домом. В Климцево стали переезжать семьями. После года с момента запуска производства, в деревне было построено четыре новых дома. И вместо четырёх жителей уже насчитывалось двадцать три. Алекс, просматривая аналитические сводки, уверял, что тенденция развития хорошая, а самое главное стабильная. Так, что можно было ожидать прибытие новых климчан.

Руслан, работал грузчиком, и слыл у начальства сотрудником ответственным и исполнительным, но когда Егор предложил ему повышение – отказался. А вот с коллективом отношения не сложились. То ли от того, что был не в меру молчалив и нелюдим, а скорее всего, от того, что коллеги с недоверием относились к грузчику, который приезжает на работу, на таком же автомобиле, как и директор.

Гордей, считая дни до освобождения, вёл переписку с Русланом, который обещал ему помочь, устроится грузчиком к Егору на завод, не смотря на судимость. В одном из писем, Гордей хвастался, что его зачислили в футбольную команду их исправительного учреждения, которая участвует в республиканском турнире за кубок ФСИН. И, что ему, очень удаётся игра «на втором этаже» и в каждом матче один-два гола, он непременно, забивает головой, благодаря чему возглавляет список бомбардиров. Так, что начальство, обещало ему досрочное освобождение, в случае если в этом сезоне они возьмут кубок.

Иван, получив вежливый отказ от Анны Николаевны, уволился из «Спранты», и переехал жить в Пронино, где устроился на работу в школу, учителем русского языка и литературы, как раз вместо Михаила Ивановича, который вышел на пенсию. Теперь Иван со спокойным сердцем любовался красотами среднерусской природы во все времена года из окна кабинета на третьем этаже обычной поселковой школы. Директор была очень довольна, рапортуя в местный «минобр», о том, что в их среднюю, школу «ломаются» на работу преподаватели из Москвы с кандидатской степенью.

А на место генерального директора представительства «Спранты» в России, был назначен Николай Иванович Краснов – бывший начальник службы безопасности.

Единственное что беспокоило Ивана до недавнего времени, это вопрос – Кто же всё-таки включил тогда смартфон

Егора и зачем? – И Алекс, недавно рассказал ему, что смартфон включила экономист Элеонора, которая вернувшись за своей папкой в кабинет Самсонова, увидела на столе телефон, и как всякая ревнивая любовница, решила «просканировать» почту и смс. Но когда включила смартфон, оказалось, что он «запоролен», поэтому сразу и выключила. Не сделай тогда она этого – думал Иван, – неизвестно как бы ещё всё повернулось.

Алексей, начинал свой день с того, что садился на табуретку напротив зарешёченного окна и начинал кому-то, что-то объяснять, беззвучно открывая рот, гримасничая и отчаянно жестикулируя. По мере нарастания разногласий между ним и мнимым собеседником, к обеду наступал апогей агрессивного состояния и тогда он начинал носиться по палате и вести кулачные бои с невидимым врагом. В это время, как обычно, заходили два санитаря и, сделав ему укол, укладывали в кровать, где он до самого вечера, протягивая руки в пустоту, звал кого-то, плакал, и просил прощения. И так, повторялось изо дня в день, год за годом.

Ровно через девять месяцев после смерти отца, Дарья родила девочку, которую называли Антониной. Когда девочка подросла и стала ходить, Дарья устроилась на работу в церковь, кем-то по хозяйству. И каждый день туда и обратно ходила с дочкой пешком в Пронино. Часто присаживаясь у могилы отца, она вспоминала то время. Некоторые подробности уже стёрлись из памяти, оставив лишь обрывки вос-

поминаний. И Дарья, уже не могла точно сказать, где кончается правда и начинается вымысел, пока из берёзовой рощи не выбегала, смеясь, маленькая Тбнюшка, как живое доказательство того, что всё, что произошло тогда – произошло на самом деле.

Алекс, каждый год прилетал в Россию 6 ноября. Клад у подножья братской могилы на Туговой горе, огромный букет белых лилий и долго вглядываясь в имена и фамилии, выбитые на гранитной плите, о чём-то думал. Потом приезжал в Климцево и гостил дня три, иногда неделю. Потом улетал обратно в Нью-Йорк. Когда через несколько лет умерла баба Катя, он приехал на похороны с пакетом земли с могилы своего деда и с таким же пакетом земли с Туговой горы и высыпал их на гроб. Через год, рядом с могилой отца Тихона, появилась белоснежная мраморная плита, на которой золотыми буквами было выбито: Новосёловы: Алексей Алексеевич, Антонина Алексеевна, Екатерина Алексеевна.

В трёхкомнатной квартире, на семнадцатом этаже высокого красивого дома на Ясном проезде, вместо картины Кандинского, теперь висит на стене пожелтевший тетрадный листок в клеточку, на котором цветными карандашами нарисована женщина в белом платье и мужчина с бородой в чёрном. Они держат за руки маленькую девочку, в ногах у которой лежит большая чёрная собака. Тот самый рисунок, который нарисовала маленькая Даша, пока отец рассказывал ей про Великого Хранителя Часов.

Анна Николаевна, так и продолжает ездить, почти каждые выходные из Москвы в Климцево и обратно. Она, наконец, поняла своего Игоря и согласилась с ним, что жизнь, это просто дорога, кольцевая, или уходящая в бесконечную даль, что действительно, оказалось на самом деле – одно и то же.

Книгу можно скачать по адресу: <https://vk.com/id374590885>